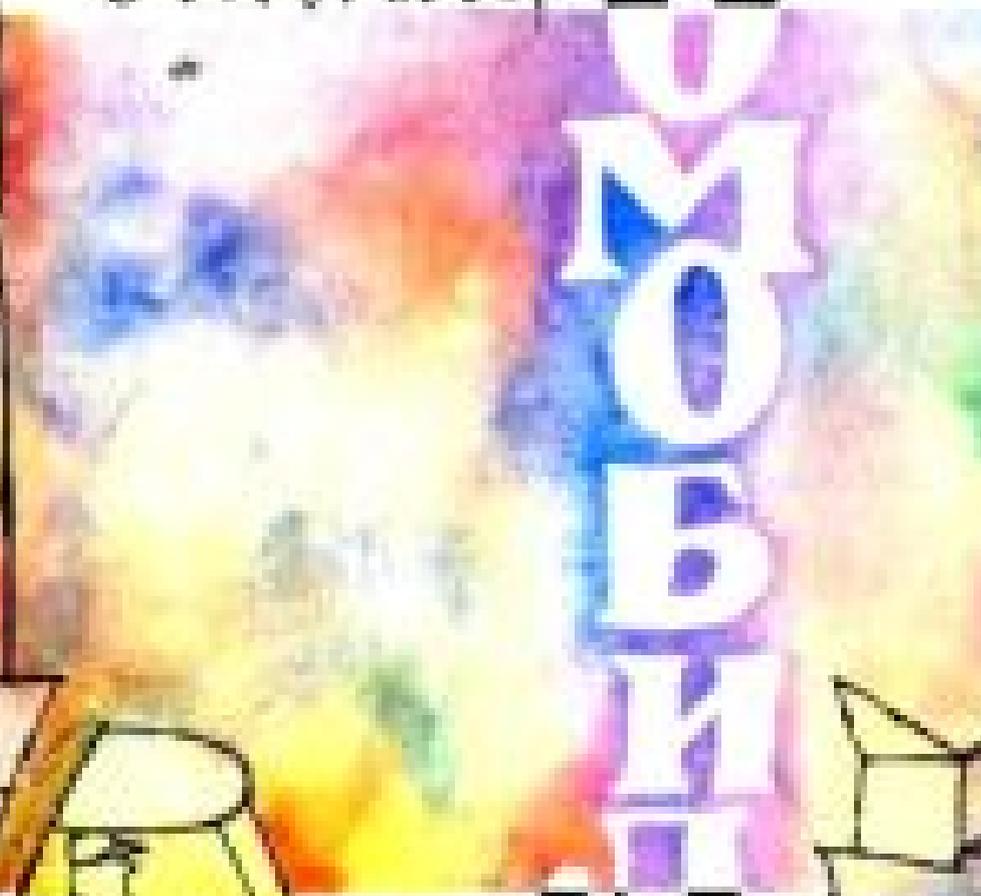

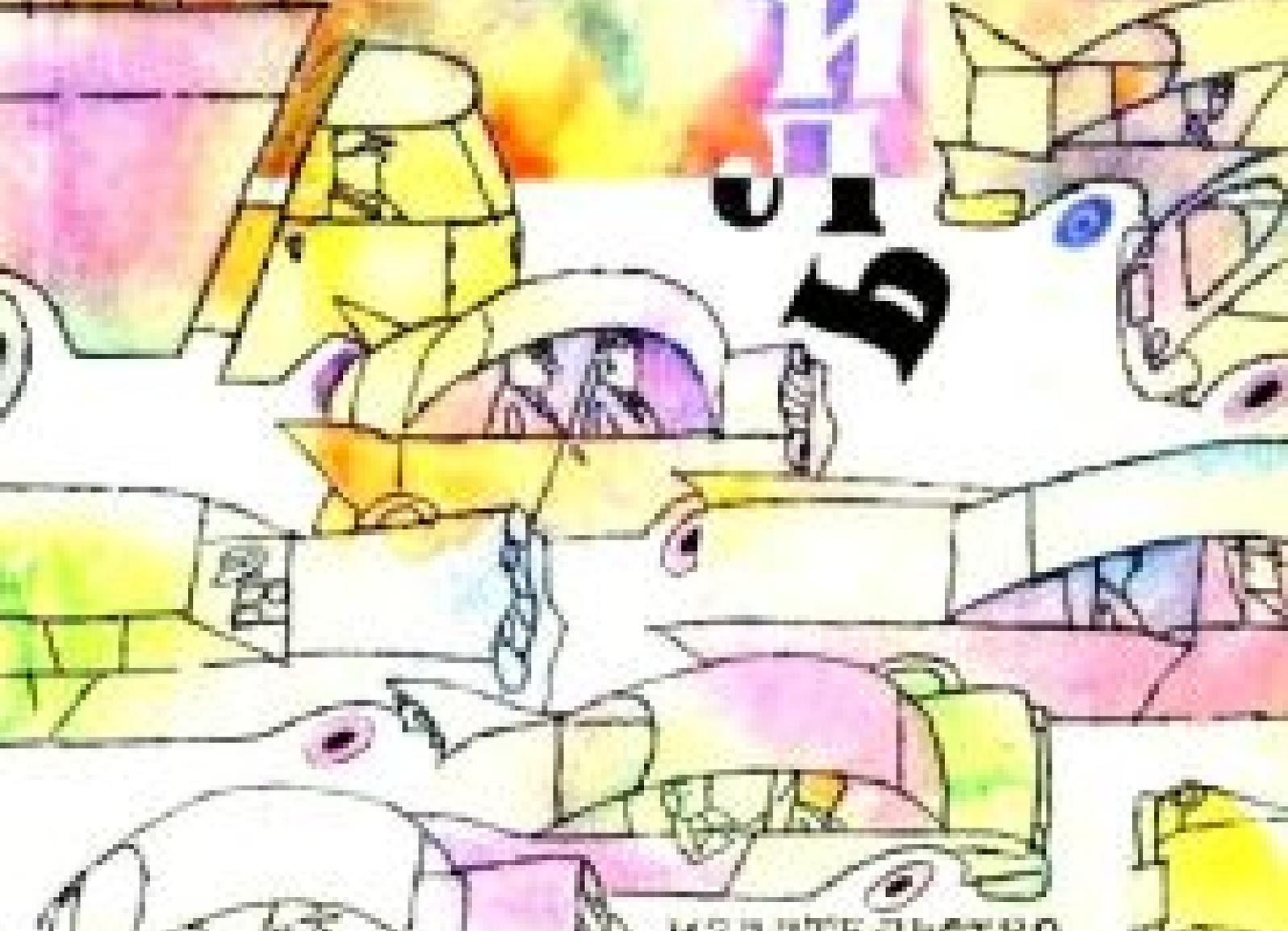

Dr. Mosh
Guanabana

**Г
Н
О**

**О
М
О
Б
И
К**

**С
И
Б**

Эптон Синклер

Гномобиль

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Элизабет встречает Бобо

Девочка бродила по лесу. Пожалуй, в этом лесу Калифорнии росли самые высокие в мире деревья. Во всяком случае, девочка никогда ничего подобного не видела. Она все шла и шла как зачарованная, с трудом веря своим глазам.

Правда, в машине был уже разговор об огромных красных деревьях, о гигантских кондори, но тогда девочка не обратила никакого внимания на эти слова. Машина катилась по шоссе, то и дело сворачивая на крутых поворотах, спускаясь и поднимаясь по горным уклонам. Навстречу машине выплывало яркое весеннее солнце. Но вдруг солнце исчезло, наступили сумерки, послышался торжественный шелест. И вот они уже в лесу, сотворенном из самых больших и удивительных созданий на свете.

Машина остановилась, все вышли из нее, и, по счастливой случайности, девочка осталась одна, наедине с лесом.

Если бы рядом шла мама, было бы совсем неинтересно, потому что она все время говорила бы: «Элизабет, не запачкай туфли» или: «Смотри под ноги, тут могут быть гремучие змеи».

У самого шоссе росло невысказанно большое дерево. В нем было нарочно выпилено дупло, а в дупле расположилось маленькое кафе, где можно посидеть за столиком, выпить пива или газированной воды. Кафе называлось «Верь — не верь», так, во всяком случае, значилось на вывеске. Кроме напитков, там продавались открытки с видом на это кафе, и мамина приятельница, мисс Джелиф, надумала послать своим друзьям такую открытку. Мама помогала ей выбрать самую красивую, шофер заправлял машину, поэтому-то Элизабет и осталась одна и могла теперь без помехи любоваться деревьями и бродить среди огромных стволов.

Деревья-гиганты словно выходили ей навстречу одно за другим, и каждое новое дерево было еще прекраснее предыдущего; они точно околдовывали и манили ее в глубь леса. Некоторые были до того велики, что пятидесяти девочкам пришлось бы взяться за руки, чтобы окружить комель. Кора у деревьев была серовато-коричневая, с глубокими желобками. На вид она была мягкой, казалось, что ее можно сжать пальцами, как губку, но на самом деле она была твердой как железо.

При ходьбе нога глубоко уходила в мягкий ковер — это был ковер из пыли, которая тысячелетиями оседала с этих древних деревьев. Между могучими стволами росли зеленые хрупкие кустики; на их веточках играли отблески солнца, слабые, тусклые, которые едва доходили сюда; само солнце при этом казалось очень далеким и каким-то неживым. Повсюду царили сумерки и раздавался шорох, и было как-то праздничноторжественно и немного грустно.

Эта удивительная красота захватила Элизабет; она медленно продвигалась, мягко ступая, зачарованная и отрешенная от всего остального. Деревья были не похожи одно на другое. Те, что росли дальше, казались больше тех, возле которых она останавливалась. Элизабет выросла в городе и видела деревья только в парках. И вдруг она очутилась в новом для нее неожиданном мире, и все тут было как-то не по правилам.

Может быть, поэтому то, что с ней произошло дальше, не очень поразило ее. Если тут, в лесу, ей встретились самые большие в мире создания, почему бы здесь не оказаться и самым маленьким? Все, что угодно, могло случиться там, где ты столкнулся лицом к лицу с миллионами лет истории и где силы природы раскованы и не сдерживаются ничем.

Элизабет набрела на дерево с большим выжженным дуплом, черным по краям. Дупло было таких размеров, что мамин лимузин вполне мог в него въехать и даже не поцарапался бы ничуть. Она стала вглядываться, но внутри было совершенно темно, и ей сделалось страшно. Так ничего и не увидев, она на цыпочках попыталась обойти дерево кругом. С другой стороны ствола был холм. На холме цвели красивые цветы — азалии, росли папоротник и щавель. А из листьев выглядывало чье-то малюсенькое личико. Оно было величиной с твой кулак (если только у тебя кулаки не очень большие) и могло бы оказаться мордочкой белки, или совы, или, наконец, медвежонка. Но ничего подобного: это было во всех отношениях человеческое лицо, только крошечное. С яркими румяными щечками, с крохотными голубыми глазками, с волосами пшеничного цвета. Над всем этим высился коричневый остроконечный колпачок. Это было явно испуганное личико. Элизабет замерла. Оба глядели друг на друга не отрываясь.

Наконец маленький человек заговорил тонким, высоким голоском.

— Я тебя не боюсь, — сказал он.

И Элизабет поспешила уверить его:

— А тебе и нечего меня бояться.

Человечек долго с серьезным видом изучал девочку и наконец сказал:

— Ты как будто бы хороший человек.

— Мама мной почти всегда довольна, — ответила девочка.

Маленький человечек пригляделся к ней еще попристальнее и задал вопрос:

— Ты никому не делаешь больно?

— Нарочно — никогда, — ответила Элизабет.

— И ты не спиливаешь деревья?

— Нет! Честное слово, я в жизни не спилила ни одного дерева.

— А будешь спиливать, когда вырастешь?

— Да нет же, правда нет. И вообще это не женское дело.

Казалось, человечек остался доволен.

— У тебя красивое платье, — сказал он тут же. — Где достают такие вещи?

— Это платье из магазина на Пятой авеню. В Нью-Йорке, — добавила она.

Человечек покачал головой:

— Я всю жизнь прожил в этом лесу. Я многого не знаю.

— Я уверена, — сказала Элизабет вежливо, — что ты знаешь массу интересного.

— Я бы с удовольствием побеседовал с тобой... — ответил человечек. И добавил с волнением: — Если бы только я был уверен, что мне можно с тобой разговаривать.

— А почему — нельзя?

— Ты первый большой человек, с которым я разговариваю. Мне этого никогда не позволяли.

— Кто же тебе запрещает?

— Глого.

— Кто такой Глого?

— Мой дедушка.

— А почему он не разрешает тебе разговаривать с людьми?

— Он говорит, что все они враги.

— Да нет, что ты!

— Они убивают деревья! Они сводят леса, а это означает смерть.

Элизабет задумалась.

— Кто знает, может, ты прав, — сказала она. — Только, честное слово, я за всю жизнь не повредила ни одного, даже самого маленького деревца, а большому-то что я могу сделать?

— Но ведь ты вырастешь, не так ли? Ты же пока еще не взрослый человек. Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Неужели тебе только двенадцать? Ты такая большая!

— Наоборот, говорят, что я слишком маленькая для своего возраста. А сколько тебе лет?

— На прошлой неделе исполнилось сто.

— Но ты совсем не кажешься старым!

— Глого больше тысячи лет.

— О, как это чудесно! Он, наверно, такой же древний, как эти деревья.

— Эти деревья выросли еще до того, как родился дедушка моего дедушки. Никто не знает, сколько им лет.

Элизабет снова поглядела на деревья. Так, значит, они и правда ужасно старые! Ее взгляд устремился к небу, скользя по коре гигантской колонны, которая становилась все краснее и краснее по мере того, как удалялась от земли и тянулась вверх, вверх, достигая чуть ли не крыши вселенной. Ветви деревьев, распластываясь и сплетаясь друг с другом, образовали нечто вроде купола. И был этот купол так высоко, что снизу трудно было понять, из какого материала он построен. Там, наверху, мерцали солнечные лучи, вспыхивая то красным, то зеленым, золотые, волшебные, зачарованные. Ее взгляд соскользнул вниз по стволу, к огромному основанию дерева. На том месте, где в него ударила молния, виднелся шрам — сильное утолщение коры, которое укрепило дерево, чтобы оно не погибло от увечья. За деревом был пенек, из него поднимались молодые побеги. А дальше лежало упавшее дерево, которое было похоже на колонну, рухнувшую тысячу лет назад.

— Какой удивительный лес! — сказала Элизабет. — Я так рада, что приехала сюда. Скажи мне, пожалуйста, кто ты такой?

— Дедушка говорит, что мы — гномы.

— Я читала про гномов, только я не знала, что они есть на самом деле.

— Я есть на самом деле, — сказал гном.

— Должно быть, гномы очень добрый и воспитанный народ. А много вас тут?

— По-моему, нас тут только двое — Глого и я.

— О боже мой! А куда же девались остальные?

— Я не знаю. Они исчезали один за другим неизвестно куда. Глого говорит, это оттого, что люди вырубали леса.

— Какой ужас! Я никогда не думала об этом.

— Глого очень встревожен. Его многое тревожит, только он не говорит мне, что именно. Я так за него беспокоюсь! Я даже решил, что надо посоветоваться с большим человеком. Ты не могла бы дать мне совет?

— Конечно, только не забудь, что я еще маленькая, — предупредила Элизабет. — Я еще не во всем разбираюсь. Но то, что я сама понимаю, я тебе обязательно объясню.

— Ты можешь себе представить человека, который все время сидит мрачный, молчит и ничего не ест?

— Могу. Так было с моей тетей Женевьевой. К ней приводили столько докторов! Говорили, что это специалисты.

— И что же они определили?

— Они сказали — неврастения. А мама сказала: «Это у нее «мировая скорбь».

— Я даже и не выговорю такое слово, — сказал гном.

— Взрослые всегда так. Выдумывают такие длинные слова, которые только пугают.

— И что же они прописали твоей тете?

— О, всякие разные рецепты, и грязевые ванны, и массаж. Они грели ее электричеством и давали таблетки. Только ничего не помогало. А потом они велели ей переменить обстановку. А мама сказала, что она им просто надоела.

— Ну и помогла ей перемена обстановки?

— Не знаю. Она сейчас в Европе. Посылает открытки.

— Интересно, помогла бы Глого перемена обстановки? Мы тут во всех окрестных лесах уже перебивали.

— Я думаю, за тысячу лет успеешь обойти все леса. Может быть, ему надо питаться как-нибудь по-другому? Кстати, что вы едите?

— Мы едим семена папоротника.

— А что пьете?

— Росу.

— Ой как интересно! Это, наверно, вкусно, только, должно быть, долго собирать семена и росу, а?

— У гномов много свободного времени.

— Возможно, Глого на самом деле перейти на другую пищу? А может быть, ему надо повидать свет?

— А как это сделать? — спросил гном с беспокойством.

Самозванный доктор задумался.

— Вот послушай, что я скажу тебе о моем дяде Родни. Мы едем в гости к нему и к его отцу, моему дедушке. Они живут в большом городе, он называется Сиэтл. Может, ты не знаешь, что такое город? Это такое место, где живет множество людей. Родни старше меня, но ненамного. Он учился в колледже и знает больше, чем я. И он добрый. И никогда не спилил ни одного дерева. Может, Глого захочет с ним познакомиться?

— Не знаю, — сказал гном. — Это будет нелегко устроить.

— Родни — я зову его так, без «дяди», чтобы он не казался сам себе чересчур старым. Он очень забавный. Он рассказывает столько забавных историй, что Глого было бы с ним весело. И к тому же у него есть деньги, а у меня нет.

— Что такое деньги?

— Гм-м, трудно объяснить. Ну, за это можно получать разные там вещи и вообще за все платить. Так принято у нас, у людей. Нужны деньги для того, чтобы показать Глого свет.

Гном задумался:

— А Родни приехал бы сюда познакомиться с Глого?

— Конечно. Он наверняка не знаком ни с одним гномом. Ему будет очень интересно.

— Знаешь что, лучше пока ничего не говорить Глого. А то он еще рассердится, может даже удрать в лес и там спрятаться так, что его не разыщешь. Постарайся привезти сюда Родни, и мы устроим, чтобы Глого встретился с ним случайно.

— Отлично! — воскликнула девочка.

— Как ты думаешь: когда он сможет приехать?

— Завтра мы рассчитываем добраться до Сиэтла. Я поговорю с Родни, и мы приедем через три дня. Если ровно через три дня нас здесь не будет, значит, его нет в городе, или он болен, или что-нибудь с ним случилось. Только ты не беспокойся.

— Ты точно вернешься?

— Конечно. Это все очень интересно. И поучительно. Это даже мама признала бы, если бы она только поверила мне. Но ей пока лучше не говорить. Она считает, что у меня слишком развито воображение. Она скажет, что я тебя выдумала, и только рассердится на меня.

Элизабет вдруг замолчала. Возможно, она подумала, что нехорошо маленькой девочке столько знать о своей маме.

И в этот самый миг лесную тишину нарушил гудок автомобиля.

— Наша машина гудит, — сказала Элизабет.

— Это такой домик, который быстро проносится мимо леса? А почему он едет?

— У него мотор. Родни тебе объяснит лучше меня. У него есть своя машина, на ней мы и приедем. Теперь мне надо идти, а то мама подумает, что я потерялась. Она меня зовет.

Издали были слышны голоса. Элизабет прижала пальцы к губам и подала ответный сигнал.

Человечек заткнул уши.

— Ой, какой жуткий звук!

— Я тебе подам такой же сигнал, когда приеду. А как тебя зовут?

— Бобо.

— Бобо и Глого. Какие хорошие имена. А меня зовут Элизабет.

— Очень длинное имя, — сказал Бобо и попытался его повторить. — Я выучу его к твоему возвращению. Но ты наверное приедешь?

— Приеду! — крикнула Элизабет. Она уже бежала к своим. — До свидания, Бобо!

Маленькое круглое личико скрылось за кустами, а Элизабет поспешила туда, где ее ждали две обеспокоенные дамы.

— Ох! — ужаснулась мама. — Ты испортила туфли. — И добавила: — Ты что, не знаешь, что тут водятся гремучие змеи?

Мисс Джелиф сказала:

— Ты могла бы выпить стакан содовой внутри дерева.

— А я хочу научиться пить росу прямо из цветка.

Мама вздохнула и, садясь в машину, сказала:

— У этого ребенка слишком развито воображение.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Родни знакомится с Бобо

Старик Синсебау слыл королем леса на всем северо-западе Соединенных Штатов. Он жил в огромном деревянном дворце, построенном в стиле предков. Во дворце были окна-фонари, и выступы, и башенки, чтобы все могли себе уяснить, какую роскошь можно выстроить из лесоматериалов хозяина. В этом дворце он поставил на ноги своих многочисленных детей и отправил их в жизнь. Ему было уже семьдесят лет; все его дочери были замужем, двое из его сыновей успешно продолжали дело, третий был директором фамильного банка, а четвертый заведовал паромством. Они все были достойны имени Синсебау, все, кроме последнего, младшего сына, которого звали Родни и который не испытывал никакого интереса к лесоматериалам. Родни принадлежал к новому поколению и не позволял себе хоть что-нибудь принимать всерьез. Он всегда и над всеми подсмеивался, не исключая и свою родню. Тот, кто становился объектом его насмешек, слегка терял ощущение своей значительности. Людям такое чаще всего не нравится. Старик Синсебау, который характером был крепче прочих, временами только мрачно улыбался. Не было ничего такого, за что он мог бы придраться к своему младшему сыну. Родни не пил спиртного, имя его не попадало в газеты. Он просто любил читать книги и пробовал писать стихи. Старик думал, что он может позволить себе иметь одного сына, не похожего на остальных, и если Родни так уж хочется стать поэтом, то он сумеет купить парочку газет или журналов, чтобы ему было где печататься.

Родни получал от отца деньги, продолжал бездельничать, читать книги и отпускать шуточки по поводу лесоматериалов. Когда он катал в машине кого-нибудь из своих друзей, он, например, говорил, махнув рукой в сторону холма, на котором не осталось ни единого деревца:

— Наша северо-восточная башенка сделана из леса, который был тут.

Или он говорил:

— А вот это яхта моего братца Арчи.

И его спутник с изумлением пытался отыскать глазами яхту на вершине лысого холма. А если в узкой долине показывался еще не спиленный лес, он говорил:

— Это мои деньги на будущий год.

Вот с этим-то странным дядюшкой и встретила Элизабет вечером. Она постучала ладошкой в дверь, вежливо спросила, можно ли войти, уселась в слишком для нее большое кресло и спросила:

— Родни, ты когда-нибудь видел деревья кондори? Я их увидела сегодня впервые. Но только я не насмотрелась, потому что мама и мисс Джелиф спешили. Можно, я тебя о чем-то попрошу?

— О чем?

— Я хочу вернуться к большим деревьям. И я тебе открою секрет. По крайней мере, часть секрета. Я что-то увидела в лесу. Что именно — я пока не скажу, потому что ты все равно не поверишь. Ты поверь только, что это что-то совсем необычное, и удивительное, и что ты будешь рад, если поедешь со мной.

— Другими словами, — сказал Родни, улыбаясь, — моя маленькая племянница хочет устроить пикник.

— Но только для нас двоих, ладно? Если кто-нибудь еще поедет, он все испортит.

— А когда бы ты хотела поехать?

— Завтра, если ты успеешь собраться. Мама позволит, только обещай ей не гнать машину.

Родни набрал номер телефона и велел дворецкому приготовить термос с холодным лимонадом для Элизабет, а другой — для него, с горячим кофе, и коробку с бутербродами, и фрукты на двоих, и его машину — к восьми утра — к крыльцу.

Элизабет исполнилась благодарности и напустила на себя еще больше таинственности.

На следующее утро они отправились в дальнейшее путешествие, которое не заняло много времени, потому что в эти часы на шоссе не было автоинспекторов. У Родни была своя особенная машина, и он умел водить ее особенно хорошо. И еще он был уверен, что дороги, так же как и все остальное в Америке, построены специально для семейства Синсебау.

На следующий день к обеду Элизабет и Родни прибыли как раз к тому месту, где в прошлый раз остановился мамин автомобиль. Они поставили машину, и Элизабет приняла на себя командование. Она взяла плед, Родни — корзинку с едой, и они двинулись от дерева к дереву. Элизабет вспоминала, каким путем она шла в прошлый раз. Они разыскали холмик с папоротником и там остановились. Элизабет, у которой душа замирала, тихонько позвала:

— Бобо... — И потом чуть погромче: — Эй, Бобо! Тут же послышался пронзительный голосок, который пытался выговорить по слогам:

— Э-ли-за-бет.

Родни страшно поразился, и оба стали высматривать, откуда доносились эти звуки. Тоненький голосок залился счастливым смехом. Бобо развеселило, что эти два огромных существа его не видят. Перед ними был старый пенёк, из которого проросла дюжина молодых деревьев. Устремив свой взгляд на их ветви, Элизабет обнаружила маленькое круглое личико с розовыми щечками и маленьким коричневым островерхим колпачком на макушке.

— Здравствуй, Бобо! — сказала Элизабет и добавила: — Это Родни. Родни, позволь мне представить тебе моего друга Бобо.

— Да, да, — сказал Родни. — Да, да, — добавил он, совсем растерявшись.

— Я о тебе пока не говорила с Родни, Бобо, — объяснила девочка. Я думала, как бы он тебя не испугался. Видишь, он на самом деле хороший, как я и обещала.

Бобо перебрался через молодые побеги, окаймлявшие старый пенёк, и оглядел своего нового посетителя. Он увидел молодого человека, светловолосого и загорелого, с чуть-чуть вздернутым носом и с лукавым выражением лица, от чего вокруг глаз у него собирались морщинки.

— Поверьте, — сказал молодой человек, — все это страшно интересно. Я так рад с вами познакомиться!

— Я знала, что ты обрадуешься, Родни. Понимаешь, Бобо — гном, и он прожил в этом лесу сто лет.

— Гном? Я о них, конечно, читал, но сейчас мне впервые выпало счастье познакомиться лично. Позвольте спросить, мистер Бобо, принято ли у вас обмениваться рукопожатиями при личном знакомстве?

— Я никогда ни с кем не знакомился раньше, — ответил Бобо.

— Я не знаю, как возник этот обычай, — продолжал Родни-философ. Должно быть, это было многие тысячи лет тому назад. Вероятно, мужчины протягивали друг другу правую руку, чтобы показать, что у них нет с собой оружия и что они явились с мирными намерениями. Разрешите мне показать вам, как это делается?

Родни осторожно взял маленькую ручку своей рукой, чуть поднял ее и опустил. Странное ощущение рождалось от прикосновения к такой малюсенькой руке.

— Бобо ни с кем из людей до меня не разговаривал, — продолжала объяснять Элизабет. — Он живет в лесу только со своим дедушкой. Они не знают, куда девался весь их народ. Гномы просто исчезли, и Глого — это его дедушка — думает, это оттого, что люди вырубают леса.

— Вот и еще один довод против лесозаготовок, — заметил Родни.

— Что это такое? — спросил Бобо.

— Это когда спиливают деревья.

— О, какое отвратительное занятие!

— Правильно. У меня уже давно сложилось такое же мнение. Но я нахожусь в очень щекотливом положении, потому что торговля лесом наше семейное дело. Мой отец — лесопромышленник, и кое-кто из моих братьев тоже.

— Какой ужас! — Казалось, что гном собирается от них удрать.

— Но от Родни ничего не зависит, — сказала Элизабет умоляющим тоном.

— Бобо, уверяю тебя — вы позволите говорить вам «ты»? — я младший в семье, и меня никто не слушается. Мои родственники спиливают деревья, а если бы не они, то другие делали бы то же самое. Они пилили бы и пилили, пока на свете не осталось бы ни единого дерева.

Ужас отразился на личике гнома.

— Значит, мы с Глого обречены! — воскликнул он.

— Нет, нет, — добавил Родни поспешно. — Это я преувеличил. Я имею в виду те деревья, до которых они могут добраться. Слава богу, эти кондоры для них недосыгаемы: они — государственная собственность, и их никто никогда не спилит. У тебя и у твоего дедушки всегда будет пристанище, и люди смогут навещать вас, если, конечно, вы им это позволите.

— Гномы вовсе не хотят, чтобы их навещали, Родни, — объяснила Элизабет. — Бобо заговорил со мной только потому, что он очень тревожится за Глого.

— А что с Глого?

— Кажется, это случай мировой скорби, — сказала Элизабет тоном опытного врача.

— Какие же симптомы?

— Ох, он потерял аппетит и совсем не хочет есть папоротниковых семян, он все время сидит неподвижно, и смотрит печально, и почти не разговаривает.

— Но ведь Глого не с кем разговаривать, кроме Бобо, а ему он, наверно, все давным-давно успел сказать. Сколько Глого лет?

— Больше тысячи...

— Так, может, он просто стареет и устал от жизни? Давай поговорим с Глого.

— Это не так-то легко, — сказал Бобо. — Он боится людей и никогда никому из них не показывался.

— А ты не смог бы объяснить ему, что мы не похожи на других? Мы очень любим деревья и леса и никогда не тронули бы ни одного дерева.

— Я боюсь, он рассердится на меня за то, что я его не послушался. Как бы он не спрятался в лесу насовсем!

— Вот задача-то!

— Я об этом думал все три дня, — продолжал гном. — И я, кажется, придумал. Вы только не пугайтесь.

И тут он сделал нечто странное и удивительное. Он низко наклонил голову, подтянул коленки, сделался чем-то вроде маленького мячика и скатился с пня. У дерева кондори ствол сильно расширяется книзу, и гном скатывался с одного толстого куска коры на другой, пока не выкатился на мшистую землю. Так он и лежал, а Родни и Элизабет глядели на него с беспокойством.

— Ой, ты ушибся! — закричала Элизабет, подбегая к нему.

— Немного, — ответил Бобо, переводя дух. — Довольно-таки, но не очень. — Он сел на траву и объяснил: — Я бы не смог сказать Глого неправду. А теперь я могу сообщить ему, что я свалился с дерева и ушибся, а вы меня подобрали и помогли мне. И Глого не будет за это на меня сердиться, а с вами он будет просто обязан говорить вежливо.

— Какая простая и разумная мысль! — сказал Родни.

— А теперь, будьте добры, понесите меня...

— О, позволь мне! — воскликнула Элизабет.

Родни взял плед и корзинку с едой, а Элизабет подняла маленького человечка на руки осторожно, как грудного ребенка.

— Какой ты легонький, Бобо, и как тебя приятно нести! Ты бы мог стать таким хорошим ручным зверьком!

— Я кусаюсь и царапаюсь, когда мне что-нибудь не нравится, ответил Бобо.

Но в этот раз ему нравилось, и он уютно устроился на руках у Элизабет и вправду как ручной зверек.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой происходит знакомство с Глого

Элизабет с Бобо и Родни с корзинкой шли, углубляясь в лес. Бобо указывал им дорогу. Заросли папоротника становились все гуще и гуще, а тишина все тише, пока Бобо не сказал:

— Пришли. — Он шепнул: — Не спускайте меня на землю; помните, что я ушибся. — Он крикнул своим тоненьким пронзительным голосом: Глого! Глого!

Им ответило молчание. Двое больших людей не почувствовали ни единого признака того, что Глого где-то близко. Но, видимо, Бобо знал, что он тут, потому что начал объяснять:

— Глого, я свалился с дерева и ушибся, а эти большие люди пришли мне на помощь. Это очень хорошие и добрые люди; они любят деревья и ухаживают за ними. Поэтому прости, пожалуйста, что я позволил им меня понести.

В ответ снова только молчание, которое на этот раз, видимо, чем-то обеспокоило Бобо.

— Глого, они совсем не похожи на других, они никогда в жизни не спилили ни одного дерева, и они обошлись со мной так ласково! Прости им, что они люди, Глого!

Снова возникла пауза и длилась до тех пор, пока из кучи азалий не донесся голос, чуть более густой, чем у Бобо, и строгий, хотя и не громкий.

— Скажи большим людям, чтобы они поставили тебя на землю и ушли.

— Но, Глого, это невежливо.

— Большие люди сами не бывают вежливы. Они наши враги.

— Но, Глого, эти люди очень мудрые. Родни студент, и он так много знает! (Снова пауза.) Глого, ответь, пожалуйста.

— Мне дела нет до всех его знаний.

— Поверь, Глого, у него есть много ценных сведений. Он может тебе подтвердить, что этот лес — государственный заповедник, парк, и что его никогда не вырубят.

— Его самого вырубят, и его государство, и все его парки.

Снова молчание. Бобо испуганным голосом принялся умолять, боясь, что его новые друзья могут обидеться и уйти.

— Ну, поверь же, Глого, большие люди умеют понимать многое, они знают, как им быть. Родни возьмет нас с собой и поможет нам отыскать гномов в других лесах. Они правда хотят нам помочь.

— Гномы жили счастливо и не нуждались в помощи больших людей. Все, что они могут для нас сделать, — это уйти отсюда подальше, и чем скорей, тем лучше.

Бобо поглядел вверх на Элизабет, и она увидела слезы у него в глазах. Родни тоже их увидел и шагнул вперед.

— Дай я скажу. — И, обращаясь к кусту азалий, произнес: — Я знаю, что мы, большие люди, вели себя глупо и жестоко. Но есть и другие люди, и я принадлежу к ним. Мы пытаемся вести себя иначе, но нам очень трудно. Может, мы ничего и не сумеем добиться, я не могу обещать навверное. Но я делаю слабые попытки. Я купил кусок леса и отдал его государству для заповедника. Я могу свозить вас туда и показать вам бронзовую плиту, где все это написано. Так что тебе не мешает быть мне чуть-чуть благодарным, Глого. Несмотря на то, что я родился человеком.

Сердитый голос отозвался из азалий:

— До свидания, я ничем не могу быть тебе полезен.

— Ты ошибаешься. Я студент, и я пытаюсь познать язык деревьев. Ты мог бы помочь мне изучить этот язык.

— А откуда ты знаешь, что я могу говорить с деревьями?

— Я знаю, что такой мудрый гном, как ты, не смог бы прожить в лесу тысячу лет, не научившись разговаривать со всем живым. Я знаю, что деревья — живые. Они как люди.

— Вовсе они не как люди, потому что они добрые! Ты видел хоть одно дерево, которое взялось бы за острый топор? Дерево строит, а не разрушает. Оно трудится без отдыха, днем и ночью. Его труд величествен. Оно добывает соки из земли и перерабатывает их в кору, древесину, ветви и листья.

— Ты прав, Глого, и ни один великий ученый не знает, как оно это делает. Откуда дереву известно, где расположена кора, а где листья? Как оно узнает, где оно поранено, и догадывается посылать соки именно туда?

— Дерево все знает, что ему нужно для жизни, и для его будущего, и для жизни его драгоценных семян.

— Как дерево разговаривает с тобой, Глого? Словами?

— У дерева нет языка, оно не умеет пользоваться словами. Если ты любишь его и живешь с ним всю жизнь, ты начинаешь понимать его без слов и ненавидишь безумцев, которые его убивают.

— Послушай, Глого, ты старый и мудрый. Я по сравнению с тобой только ребенок. Я прожил всего двадцать три года, — что можно успеть узнать за это время? Я тебя умоляю: открой мне лесные секреты, а я расскажу о них людям, и, может, они избавятся от своего безумия.

Строгий голос сказал:

— Ты просишь меня нарушить правила, которые были святы миллионы лет. Этого не хочу не только я. Мне это запрещают миллионы поколений живших на земле гномов.

— Но, Глого, если правило не срабатывает в течение тысячелетий, не пора ли его пересмотреть? Ведь это правило оставило на земле только вас с Бобо, а что же будет с ним, когда он останется один?

— Не говори об этом! — выкрикнул голос из азалий, и показалось, что он сердится.

— Но ведь это так, Глого. Что же случится со всем вашим народом, если твой внук не женится?

Из кустов донесся стон.

— Ты думал об этом, Глого?

— Я уже много лет ни о чем другом не думаю, — донесся в ответ еле слышный шепот.

— И поэтому тебе так плохо?

— Мне хуже всех живущих на земле.

— Но, Глого, — вмешался Бобо, — тебе не надо обо мне тревожиться. Мне совсем не нужна жена.

— Глупенький, — произнес голос. — Всему будущему гномов нужна твоя жена.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Родни сказал:

— Хотел бы я вам сообщить, где живут другие гномы. Но вам же известно, что гномы прячутся от людей. Все, что я могу сказать, — я буду вашим другом, и сделаю все, что в моих силах, чтобы разыскать те леса, где есть еще гномы. Я сделаю это, даже если вы не согласитесь обучить меня лесной мудрости.

И в первый раз показалось, что спрятанный в азалиях голос начинает сдаваться.

— Это звучит искренне. Но отвечают ли люди за то, что они говорят?

— Постой, — продолжал доказывать Родни, — если бы мы хотели причинить вам зло, мы могли бы уже это сделать. Ведь Бобо в наших руках. А ты, Глого, прожил на свете уже тысячу лет. Многим ли ты рискуешь, если доверишься нам?

— Да, правильно.

И в тот же миг кусты раздвинулись, и показалась маленькая фигурка, тех же размеров, что и Бобо, в таких же коротких штанишках и островерхой коричневой шапочке. Но лицо этого маленького существа было менее круглым, его покрывали морщинки и украшала седая борода, доходящая почти до пояса.

— Я здесь, — сказал Глого. — Я попытаюсь с вами подружиться.

— Благодарю, сэр, — сказал Родни, торжественно кланяясь.

И старый гном отвесил ему не менее торжественный поклон.

— Меня зовут Родни, а это моя маленькая племянница Элизабет.

Старый гном снова поклонился.

— А теперь, — продолжал Родни, — нам надо поудобнее устроиться и все обсудить.

Он расстелил плед, и Элизабет опустила на него Бобо.

— Ты сильно расшибся? — строго спросил старый гном, и Бобо сказал ему, что все уже прошло, и в доказательство подпрыгнул.

Элизабет и Родни разместились на пледе, и Глого тоже в ответ на их приглашение примостился на уголке, который был ближе всего к кустам. Временами он беспокойно оглядывался: чувствовалось, что при малейшем признаке опасности он готов прыгнуть в кусты и скрыться из виду.

— Позволь мне для начала сообщить, что я студент того заведения, которое называется

университетом. Есть ли такие заведения у гномов?

— Мы, гномы, учимся изо дня в день, пока живем. Мы учимся не только у старших гномов, но и у самой природы, нас учат деревья, цветы и травы. Мы изучаем их характеры.

— А разве у них есть характеры?

— Конечно, как и у каждого живого существа.

— И они могут сообщать вам свои мысли?

— Разумеется. Все живое обменивается мыслями, даже если и не сознает этого.

— Какой же характер у этого папоротника, например? — Родни дотронулся до листа, который рос с ним рядом.

— Он по характеру похож на женщину, — сказал Глого. — Он мягкий, скромный, застенчивый. Но еще и сильный при этом. Он никогда не приходит в отчаяние. Вот ты бездумно помял один лист и сделал ему больно. Он молча перенесет свои мучения, а когда ты уйдешь, он будет мужественно продолжать свое дело — создавать красоту. Девочка лучше поймет папоротник, который украшает кружевом весь лес. Он не перестанет трудиться, пока не сделает весь лес красивым и уютным.

— Как хорошо ты говоришь, — заметила Элизабет. — Мне кажется, я сумела бы понять и папоротник, и цветы...

— Наверное, надо быть очень старым и мудрым, чтобы понимать деревья, — заметил Родни.

— У дерева кондори очень сильный характер. Чтобы стать таким, какое оно есть, ему пришлось употребить колоссальные усилия. Миллионы килограммов материала были тщательно отобраны, добыты им из земли, растворены в воде и доставлены на невероятную высоту. Из них дерево строило свой ствол и ветви. И вот оно перед нами: дерево-крепость, умеющее отразить слепые силы огня и ветра. Оно — как песнь самой матери-природы, которая звучит уже миллионы лет, и вот появился один голос, который хочет все испортить.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказал Родни. — Один умный старый человек сказал, что красные деревья кондори защищены от всего на свете, кроме дураков.

— Я рад услышать о таком человеке, — сказал Глого. — Мне поэтому легче с тобой говорить.

— Он еще сказал, что государство могло бы защитить их от дураков, и это в какой-то мере уже сделано.

— Боюсь, что слишком поздно для моего народа, — вздохнул Глого и опять впал в ту мрачность, которая предвещала очередной приступ мировой скорби.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Родни с ноткой бодрости, желая вывести гнома из мрачного настроения. — Но позвольте мне сказать, что в этот час мы, большие люди, обычно завтракаем. А вы?

— У гномов нет специальных часов для еды. Мы съедаем по зернышку тут и там, когда найдем его.

— А не согласитесь ли вы попробовать что-нибудь из еды, которую мы привезли с собой?

Элизабет стала распаковывать корзинку. Она расстелила бумажную скатерть и положила на нее четыре бумажные салфетки. Потом достала коробку с бутербродами, завернутыми в промасленную бумагу, потом фаршированные яйца, баночку маслин, пакетик с орешками, сельдерей и помидоры, несколько спелых бананов, бутылку молока и два термоса. Такое количество еды на один завтрак наверняка превосходило все, что оба гнома видели за все долгие годы своей жизни. Быстрые и ясные глазки Бобо перебежали с предмета на предмет.

— Сначала надо промочить горло, — сказал Родни, но тут же возникла первая трудность: чашки, которые они привезли с собой, были гномам не по размеру.

— Сейчас достану! — закричал Бобо, которому до смерти хотелось попробовать эту странную человеческую еду.

Забыв о своих ушибах, он помчался в лес и тут же вернулся с двумя сверкающими венчиками лилий. Он выдернул оттуда пестик и тычинки и вытер их внутри, очистив от золотой пыльцы. Потом Элизабет наполнила обе самодельные чашки лимонадом из термоса, наблюдая за лицами гномов, пока они пробовали питье.

— Холодный, как горные снега! — воскликнул Бобо.

Даже мировая скорбь не удержала Глого от радостного удивления.

— У этого напитка тоже есть характер, — заметил он.

— Возможно, — улыбнулся Родни. — Ты же сам меня учил, что у всех и вся есть свой характер. Вот тебе еще один, — добавил он, наливая гномам кофе. — Только берегись, потому что это озорной характер: он может укусить тебя за язык.

Естественно, что дворецкий короля лесоматериалов позаботился о том, чтобы в термос налили по-настоящему хороший кофе и чтобы в нем было достаточное количество сливок и сахара. Бобо громко выражал свой восторг, а Родни объяснил ему, что этому напитку солнце отдает капельку своего характера, а люди его преспокойно отправляют в свои желудки. Он объяснил гномам, что лимоны прибыли из Южной Каролины, а сахар — из Луизианы, кофе — из Бразилии, а масло — из Дании. Гномам все это было не так просто уразуметь, потому что маленькие лесные человечки даже и не догадывались о том, как велика земля, а когда они наконец все поняли про океаны, они не смогли себе представить, как это по ним ходят корабли.

Начинать разговор о кораблях было явной ошибкой. Пришлось объяснять, что на постройку кораблей идет древесина. А такая тема, согласитесь, мало может способствовать излечению от мировой скорби.

Элизабет дала гномам по крошечному кусочку бутерброда, а Родни рассказал им, как выращивают и мелют пшеницу и как масло и сыр получаются из коровьего молока.

Глого выслушивал объяснения со спокойным достоинством, а Бобо был полон любопытства, и веселился, и отщипывал по кусочку то сыр, то хлеб, то масло — все по очереди. Банан пришлось разрезать на маленькие ломтики, чтобы Бобо мог от них откусывать, а потом Родни пришлось рассказать ему о банановых рощах, где растут банановые пальмы, так не похожие на кондори. Эти пальмы тоже очень почтенного возраста и растут на земле уже миллионы лет; они поставляют пищу разным народам, некоторые из этих народов совсем маленького роста, например пигмеи, но все-таки они много выше гномов. Поэтому Бобо вряд ли стоило бы жениться на пигмейке. Ко всему прочему она говорила бы на португальском языке, или на языке индейцев, или еще на каком-нибудь непонятном наречии.

— Кстати, — спросил Родни у Глого, — я все хотел спросить у тебя: откуда вы знаете

английский язык?

— Английский? — спросил старый гном. — А что это такое?

— Так называется язык, на котором вы говорите.

— Какая чепуха! — прокомментировал Глого. — Я хотел спросить тебя: где это ты выучил гномский? Вот и понимай как хочешь!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой гномобиль отправляется в путь

— А теперь, — сказал Родни, — настало время отправиться в путь на поиски.

Они все подробно обсудили и решили, что нет смысла искать в этом лесу и в ближайших тоже: Глого и Бобо обшарили их вдоль и поперек. Надо было добраться до других долин, где растут красные деревья кондори.

Бобо сказал своему дедушке:

— У Родни есть такой домик, ну, знаешь, один из тех, что мы видим на шоссе. Они так быстро пробегают мимо. Родни нам покажет, как он работает.

— Что заставляет его работать? — спросил старый гном.

— Можешь считать, что это солнце трудится для нас. Мы научились покорять солнце и молнию и помещать их в разные механизмы.

— Стыдно поднимать руку на солнце, — сказал Глого.

— Ну, мы не совсем его покорили, — поспешил разъяснить Родни. Просто солнечное тепло превращается в другие виды тепла. Как деревья, которые преобразуют соки земли в древесину, кору и листья, понимаешь?

— Как этот домик называется? — спросил Глого.

— Автомобиль. Это значит предмет, который сам передвигается. Когда в нем будут передвигаться гномы, я думаю, он будет называться гномобиль.

— О, чудесно! — воскликнула Элизабет, хлопая в ладоши. — Так приятно путешествовать в гномобиле!

— Можно ли надеяться, что мы ему понравимся? — осторожно спросил дедушка.

— Я не сомневаюсь. Он будет очень рад, что его теперь станут называть гномобиль. А раз он гномобиль, значит, специально создан для того, чтобы возить гномов. — И неожиданно добавил: — Следовало бы посвятить стихи гномобилю. Подождите, пожалуйста.

Элизабет была хорошо знакома с этой особенностью своего дядюшки. В самый неожиданный

момент он объявлял, что сейчас будут стихи. Он просил всех посидеть тихонько минутку-другую, после чего обычно декламировал. Возможно, что среди гномов тоже бывают поэты, потому что Бобо и Глого сидели тихо, как мышки. И Родни начал читать:

Я гновый гномобиль.

Гнесусь, а — гсади пыль.

Я гнавлюсь всем вокруг,

И я гнадежный друг.

Ты гменя не обижай,

Правил ты гне гнарушай.

А гне то я гнакажу,

Гнав железгный покажу.

Элизабет стихотворение показалось очаровательным, но много позже, когда она увидела его написанным на бумаге, она сказала, что никогда не научится писать такие трудные слова.

Теперь новая задача, которую предстояло разрешить, заключалась в следующем: как добраться до гномобиля, чтобы никто не заметил гномов. Родни объяснил Глого и Бобо, что большие люди чрезвычайно любопытны. Если они увидят такое, с чем они раньше не встречались, они обязательно будут толпиться и глазеть. Хуже того: если известие о гномах просочится в газеты, не останется ни минуты покоя. Толпы людей устремятся в лес, и у Бобо и Глого не будет передышки от так называемых общественных обязанностей.

— Когда пойдем к машине, — сказал Родни, — я вас обоих заверну в плед и понесу на руках. Потом я расстелю его на сиденье, и, если большой человек подойдет к гномобилю, сразу же прячьтесь под плед.

— Прятаться мы привыкли, — сказал старый гном. — Очень часто от этого зависит наша жизнь.

Они собрали посуду в корзинку, которая стала значительно легче. Родни сложил плед в виде конверта. Гномы в нем как раз уместились. Оттуда виднелись только их макушки. У конверта был клапан, который они могли тут же натянуть на голову в случае опасности. Итак, Родни принес к гномобилю новых пассажиров, отпер дверцу и положил их на сиденье. Рядом стояли другие машины и ходили какие-то люди, но никто не обратил внимания на то, что делает Родни. Правда, сразу же возникла новая беда. Глого оглядел машину изнутри, и взгляд его упал на рамку у окна. Он тут же сник, закрыл лицо руками и испустил тихий стон.

— Что случилось? — закричал Бобо.

— Это убитое дерево!

Да, вставала неразрешимая проблема. К чему приведут их попытки вылечить престарелого гнома от мировой скорби, если каждый раз, как он увидит дощечку или планочку, он будет горько оплакивать убитое дерево? Родни попытался объяснить ему, что гномобиль ни в чем не виноват, что бедная машина сама не убивала деревьев. Во всем виноваты жадные

лесопромышленники. Все зло заключается в них. Глого сидел, обхватив голову руками, и ни на что не обращал внимания. Элизабет притихла на переднем сиденье рядом с Родни, не зная, как и чем помочь.

Родни завел мотор, вывел машину на дорогу, и она помчалась по шоссе. Для Бобо все это было событием. Он без конца издавал восхищенные возгласы, и даже разбитое сердце Глого немного успокоилось. Что это был за дух, который все ворчал и мурлыкал внизу под ними, и как он заставлял гномобиль двигаться? Гномобиль был очень послушен и вез пассажиров как раз туда, куда ему приказывали, и к тому же на огромной скорости. В самом деле это был удивительный дух!

А снаружи-то что творилось! Лес пролетал мимо, и Бобо с Глого бегали от правого окна к левому. Что случилось с деревьями? Они быстро убегали! Гномы никогда раньше не видели, чтобы деревья так себя вели. Глого держался за ту самую деревянную рамку, на время забыв об убитых деревьях, в изумлении от того, как поступали живые.

Вскоре гномобиль поравнялся с долиной красных деревьев кондори, которую гномы раньше не видели. Машина остановилась. Родни опять завернул своих подопечных в плед и понес их в сторону леса. Когда они дошли до безлюдного места, Родни спустил их на землю, и гномы, как ищейки, бросились разыскивать своих соплеменников. Оказалось, что Глого и Бобо могут мгновенно выяснить, есть ли в лесу подобные им существа. У гномов очень острое обоняние, и они умеют уловить следы дыхания, которое оставляют другие гномы на папоротнике, когда собирают семена. Обычно гномы просматривают очень много зарослей в поисках пищи, потому что семена ведь очень мелкие, их приходится собирать в огромных количествах. Родни сказал, что он раньше читал про тибетских овец, которые должны питаться на бегу, потому что кусты съедобной травы растут далеко друг от друга, и Бобо заметил, что с гномами происходит почти то же самое.

Гномов в лесу не обнаружилось, все вернулись в гномобиль, и «дух солнца» повлек их к новой лесистой долине.

Снова повторились поиски. И так они ездили от леса к лесу и искали весь остаток дня. Они посетили столько лесов, сколько не могло и присниться старейшему из гномов. Они любовались прекрасными пейзажами, видели белок и зайцев, в одном лесу они встретили лисицу, а в другом оленя. Но гномов нигде не было и следа. Было интересно наблюдать, как белки спускались с деревьев по веткам, усаживались на пни и обменивались приветствиями с Глого. Все лесные существа обращались с гномами очень вежливо. Глого объяснил, что звери приходят к гномам, если поранятся, потому что гномы знают, как собирать целебные травы, и умеют готовить из них припарки. Глого понимал беличий язык. Белки его заверили в том, что поблизости нет ни единого гнома.

Когда сумерки стали добавлять свои собственные тени к вечной тени ветвей, путники оказались как раз в том лесу, который Родни купил на свои деньги и подарил государству. Этот лес носил имя Родни Синсебау. Возле шоссе на самой опушке леса была установлена та самая бронзовая плита. Но л тут гномов не было. Путники еще раз расстелили плед и, доедая остатки провизии, вели печальную беседу.

— Ясно уже, — сказал Родни, — что среди береговых кондори, как эти деревья иногда еще называются, больше не осталось гномов. Но, возможно, мы обнаружим их в горах, где растут настоящие секвойи. Ты знаешь, Глого, есть ведь деревья еще в два раза больше, чем те, среди которых ты живешь?

Нет, Глого этого не знал. На него произвело огромное впечатление то, что человек мог сообщить ему подобные сведения.

— А где эти деревья? — спросил он.

И Родни сказал, что они растут в Калифорнии, в центре штата, на высоких Сьеррах.

— Если хочешь, мы можем завтра туда съездить.

Глого сказал, что он ничего другого на свете так не желал бы. Он будет невыразимо благодарен своему новому другу и духу этого удивительного гномобиля.

— Но тут есть трудности своего рода, — заметил молодой человек. Тебе придется ехать по тем местам, где живет много людей, а они там спилили все деревья и построили фермы, где они выращивают овощи для еды. Я боюсь, что это тебя огорчит. И еще: тебе придется увидеть много вещей, изготовленных из мертвых деревьев. Люди настроили себе массу больших деревянных коробок и живут в них. Тебе придется побывать в этих коробках, потому что нам с Элизабет надо где-то ночевать: мы ведь не привыкли спать в лесу под открытым небом. Ты должен все хорошенько взвесить, прежде чем мы отправимся в дорогу.

Бобо был еще слишком молод, чтобы отнестись к этим словам серьезно; он горел желанием поскорее увидеть все, о чем говорил Родни. Что может быть хуже того, как они жили до этого, — без надежды, без будущего. В конце концов Глого ведь знает, что люди убивают деревья, он ведь мог это представить себе в своем воображении, и оттого, что он увидит своими глазами, хуже все равно не будет. Им необходимо отыскать гномов. И если существуют леса больше их леса и деревья выше их деревьев, то вполне возможно, что в этих лесах обитают целые племена гномов.

Итак, старый гном наклонил голову и сказал, что он все стойко перенесет, какое бы страдание ни причинили ему человеческие обычаи. Он только очень хотел бы избежать встреч с людьми и разговоров с ними.

Родни сказал, что он добудет пару плетеных корзин, в которых будет полно дырок для воздуха, и если положить туда диванные подушки, то корзины станут отличными спальнями для гномов. Их можно будет носить в этих корзинах куда угодно, они смогут оттуда смотреть только на то, что сами захотят увидеть. Родни сказал, что магазины еще открыты и если поторопиться, можно успеть купить такие корзинки. Они поспешили к гномобилю, и тот на большой скорости вывез их из леса и домчал до городка.

Это было, как Родни и предсказывал, тяжелое испытание для Глого. В угасающем свете дня он впервые увидел холмы, с которых были спилены все до одного дерева. Они выглядели такими голыми, такими несчастными, что Глого горько вздохнул и, не в силах выдержать более, лег на сиденье и погрузился в меланхолию. Но Бобо, столетний юноша, был очень возбужден от того необычного, что ему довелось увидеть. Эти поразительные большие люди притащили даже звезды с неба и поместили их в свои дома и вдоль дорог!

Когда гномобиль покатился по улицам города, Бобо увидел больше ярких звезд, чем видел до того в небесах, и даже Глого приподнялся на сиденье и стал расспрашивать о характерах этих звезд.

Они остановили гномобиль у тротуара и, спрятав Глого и Бобо под пледом, заперли дверцы машины, чтобы никто не мог напугать гномов. Потом Элизабет и Родни пошли в скобяной магазин и приобрели две красивые корзины с крепкими ручками. В галантерейном магазине они купили две мягкие подушки и носовые платки, которые могли послужить простынями, алюминиевые наперстки вместо чашек и красивую мягкую папиросную бумагу, которую можно было нарезать в виде платочков и салфеток. Элизабет купила даже несколько кукольных платьев, которые, как она сказала, были сшиты словно по мерке и как раз подходили в качестве ночных рубашек.

В аптеке они попросили наполнить их термосы холодными и горячими напитками. Они отнесли все эти сокровища в гномобиль, и, пока Элизабет объясняла все маленьким

человечкам, Родни поспешил назад в аптеку, закрылся там в телефонной будке, бросил несколько монеток для междугородного разговора и позвонил маме Элизабет.

— Петунья, — сказал он, — я звоню тебе, чтобы сообщить, что мы чудесно провели время и познакомимся с очень образованным пожилым джентльменом. Это один из виднейших ученых штата, профессор Глого, заведующий кафедрой арборальной психологии в Редвудском университете. Он путешествует со своим внуком. Они изучают историю больших деревьев, так что это очень поучительно для нас с Элизабет. Я предложил им поехать посмотреть секвойи, и я надеюсь, что ты отпустишь Элизабет со мной. Я обещаю очень хорошо за ней присматривать.

Так случилось, что мама получила образование в школе для благородных девиц, где ее больше учили тому, как изящно войти в гостиную, чем разным наукам. Она никогда не слыхала о Редвудском университете и не имела понятия о том, что бы это могло значить арборальная психология. Однако не было никакой необходимости признаваться в этом вслух. Поэтому она только сказала:

— Ах, Родни, ты такой лихач!

— Я обещаю тебе: я буду вести машину очень-очень осторожно, Петунья. Мы переночуем в хорошем отеле со стальными перекрытиями, так что он не развалится от землетрясения. И к тому же я послежу за тем, чтобы Элизабет выпивала стакан теплого молока за каждой едой.

— Сколько вы пробудете там, Родни?

— Я не знаю, это зависит от профессора. Я думаю, что нам стоило бы изучить историю самых высоких деревьев в мире. Ты только подумай, Петунья: это самые старые создания на земле. Элизабет очень интересуется всем, что рассказывает профессор.

— Это просто удивительно, как ребенка потрясли эти деревья. Я думаю, она изматывает старого джентльмена своими вопросами. Смотри, чтоб она не промочила ноги, Родни.

— Я буду смотреть.

— А как же пижама и зубная щетка?

— Мы купим все, что нужно, здесь, в городе, откуда я звоню. Я тебе через денек-другой позвоню и расскажу, как у нас дела.

Мама наконец согласилась. Элизабет еще раз сходила в магазин и купила все, что было нужно ей самой и о чем она решительно позабыла, погруженная в заботы о своих двух любимцах. Родни тоже себя обеспечил всем необходимым, и гномобиль взял курс на юг.

Эта удивительная машина могла ездить одинаково хорошо и днем и ночью. Она выстреливала впереди себя солнечный луч, и шоссе перед ней превращалось в яркую ленту сплошного света. Было очень приятно ехать среди гор, сворачивая то в одну, то в другую сторону, и смотреть, как свет играет на деревьях. Бобо не уставал восторгаться гномобилем и попросил Элизабет подержать его на руках на переднем сиденье, чтобы не пропустить удивительное для него зрелище. А Глого, старый разумный гном, заявил, что с него хватит пейзажей на сегодняшний день, и улегся в свою корзинку, в уютную, мягкую постель. Скорее всего, его терзали мысли о безнравственности людей и о горестях маленьких гномов, а может быть, он изучал язык мотора, чтобы наутро с ним поговорить. Во всяком случае, он улегся и замолчал, так что никто не смог узнать, какое действие оказала на его мировую скорбь перемена обстановки в первый день путешествия.

К девяти часам они доехали до следующего города, Родни заявил, что девочкам и гномам в

это время пора ложиться спать. Он остановил машину у отеля. Он сказал, что этот отель может выстоять при землетрясении, которого вечно так опасается мама Элизабет.

Гномов поместили в корзинки, туда же положили наперстки и ночные сорочки. Когда коридорный слуга вышел из отеля им навстречу, Родни не разрешил ему нести корзины, только велел отвезти машину в гараж.

Родни вошел в вестибюль отеля. Выглядел он довольно странно: с двумя плетеными корзинами вместо дорожных чемоданов и сопровождаемый девочкой, увешанной бумажными свертками. Он попросил у портье, сидевшего за конторкой, две комнаты с ванной. Портье поглядел на корзинки и сказал:

— Я сожалею, сэр, но мы не разрешаем держать собак в номерах.

— У меня нет собак, — сказал Родни.

— Простите, а что в корзинах?

Возникла трудность, которую гость не предвидел, но ему надо было быстро соображать.

— В корзинках абиссинские королевские гуси, — заявил он.

Элизабет широко открыла глаза и глотнула воздух. Поймав удивленный взгляд портье, Родни быстро добавил, что это очень воспитанные существа, приученные жить в культурных домах, и что они не причинят никакого ущерба отелю.

Элизабет разволновалась: а вдруг этот человек захочет заглянуть в корзины и обнаружит там Глого и Бобо? Какой ужас, если выяснится, что Родни его надул! Может, он позовет полицию или потащит их в тюрьму!

Но портье попросил Родни подождать и вызвал управляющего, чтобы обсудить с ним возникшее затруднение. Он намекнул на то, что хотел бы посмотреть гусей, но Родни сказал, что гуси «конфиденциальны». Дело кончилось тем, что Родни дал расписку, в которой говорилось, что, поскольку ему разрешено взять в номер двух абиссинских королевских гусей, он обязуется возместить конторе ущерб, если таковой будет причинен коврам, мебели и т. п. Управляющему доводилось слышать имя Синсебау, и он удовлетворился этим документом. Родни и Элизабет вошли в лифт, и их проводили в комнаты. Родни все внимательно оглядел, велел коридорному подождать, сел к письменному столу и написал заявление в дирекцию отеля, обращая их внимание на большое пятно на ковре в северо-восточном углу комнаты, а также на пятно на покрывале по правую руку, обращенное в сторону ног. Он вручил бумагу коридорному, потом достал кошелек и сказал, протягивая монету:

— Возьми дощечку.

Мальчик удивился, но быстро сообразил, что ему положили в руку. Он сказал:

— Благодарю вас, сэр, — и поспешил удалиться.

Родни запер двери, плотно прикрыл фрамуги, после чего Элизабет открыла корзинки, и оттуда выскочили гномы, совсем уже не сонные, а полные любопытства.

— Что такое дощечка? — Бобо немедленно призвал Родни к ответу.

— Это английское слово, обозначает шиллинг, — сказал Родни.

— Родни, ну что ты над ним подшучиваешь? — воскликнула Элизабет. Чепуха, не слушай, Бобо! Это просто древесина, кусочек обработанного дерева. Родни всегда так шутит, потому

что ведь его доход — от древесины. Он и притворяется, что спутал. Не сердись, на него, Бобо.

Было чересчур много древесины в этих комнатах: и кровати, и шкафы, и столы, и стулья — все деревянное.

Глого предупреждали в самом начале путешествия. Но это плохо помогало. Он страдал, видя столько убитых деревьев. Его одолевали печальные мысли.

Бобо был весь в движении, он все кругом осматривал с интересом. Он пошел вслед за Элизабет в ванную комнату. Элизабет открыла краны и приподняла его, чтобы он видел, как вода набирается в ванную. Он развеселился, стал брыкаться, взвизгивать, звать дедушку, чтобы тот поглядел на горный водопад, который течет в человеческой деревянной коробке.

Оказалось, что гномы очень ловки и гибки: они могли, положив руки на стулья, вскакивать на сиденье; они могли взбираться на постель по ножке кровати. Оба быстро вскарабкались на одну из них, уселись посредине и принялись задавать вопросы.

— Зачем ты сказал, что мы гуси? — спросил Бобо.

— Я надеюсь, ты не против, — ответил Родни. — С известной точки зрения, все мы гуси.

— Гуси — величавая птица, — сказал Глого, — спокойная и с достоинством, пока ее не раздражишь.

— А что это ты им еще наговорил? — настаивал Бобо.

— Я сказал: абиссинские гуси.

— А что это — абиссинские?

— Это страна с противоположной стороны земного шара. Сейчас она называется Эфиопия. Это ее старое название — Абиссиния. Эта страна быстро цивилизуется.

— Это значит, что они спилят все деревья? — спросил Глого.

— Боюсь, что так.

При этом Глого слез с кровати, пошел и сел в корзинку, оплакивая абиссинские деревья.

Элизабет натолкнулась на новую трудность:

— Родни, ты уверен, что там водятся гуси?

— Господи, я не подумал об этом!

Элизабет расстроилась, а Родни, всегда расположенный шутить, сказал с наигранным ужасом:

— Что же нам делать?

— Как ты думаешь, может быть, об этом сказано в энциклопедии?

— Возможно. Но библиотека уже закрыта.

Они совсем загрузили, но блестящая идея посетила Родни:

— Я пошлю телеграмму в Африку.

— Ой, но это будет стоить дорого!

— Ну, может быть, дюжину связок кровельной дранки.

— Родни, перестань!

Снова пришлось объяснить гномам, что дранкой торгуют лесопромышленники и что Родни опять шутит насчет своих денег.

— Но, — сказал Родни, — если бы не лесопромышленники, у Глого не появилась бы мировая скорбь и мы бы не оказались в этом отеле, насочиняв с три короба. Нет, я должен узнать, есть ли там гуси!

Он подошел к телефону, позвонил на телеграф и попросил направить к нему рассыльного. Потом он сел к столу и стал писать. Элизабет пришлось рассказать Бобо про телеграф. У телеграфа очень живой характер, и поэтому он может облететь вокруг Земли за несколько секунд. Люди проложили ему дорогу даже по дну океана. За деньги, которые заплатит Родни, он доставит наш запрос в ту далекую страну и принесет ответ.

— Он это сделает, пока ты спишь, — прибавил Родни. И объяснил, что в Абиссинии, то есть в Эфиопии, сейчас утро, а ответ прибудет к тому времени, когда утро наступит в Калифорнии.

Он прочел телеграмму: «Консулу США в Аддис-Абебе. Есть ли у вас там гуси? Родни Синсебау».

Рассыльный постучал в дверь. Элизабет спрятала гномов в ванной, прежде чем открыть ему.

Рассыльный никогда не слышал про Аддис-Абебу. Он позвонил на телеграф и подождал, пока найдут по справочнику. Наконец он получил с Родни деньги за телеграмму, включая двадцать слов оплаченного ответа.

— Вдруг они сообщат нам о гусях что-нибудь исключительно важное? сказал Родни. — Оставь себе сдачу, — добавил он. — Это будет всего как одна связка по два сантиметра на четыре — четырнадцать.

Мальчик поглядел на него ошеломленно и быстренько ретировался, а Элизабет пришлось объяснять гномам, как режется и измеряется лесоматериал.

Гномы пошли в ванную и переоделись в кукольные платица, которые, кстати, были им очень к лицу. Они уютно устроились в корзинках, поставленных близко к открытому окну, потому что им был необходим свежий воздух. Элизабет налила лимонаду в стакан и поставила рядом с корзинками, чтобы гномы могли черпать из него наперстками. Гномы пьют часто и понемножку, потому что у них маленькие желудки. Они сказали, что лимонад очень похож на росу.

Потом все уснули или, по крайней мере, притихли. Возможно, Глого лежал и баюкал свои тысячелетние печали, во всяком случае, об этом никто ничего не слышал. Легкий ветерок шевелил занавески, а внизу, на улице, электрическая реклама всю ночь мигала то желтым, то красным, то синим цветом. Бобо снилась его невеста; Элизабет видела во сне, что она держит речь в гусином парламенте, а гуси дарят ей за это дюжину связок кровельной дранки.

Когда незаметно и тихо пришла заря, гномы открыли глаза, попили «росы» из наперстков и лежали, переговариваясь шепотом, пока большие люди не прекратили свой ужасный храп.

Родни тут же позвонил на телеграф. Там уже ждала телеграмма, доставленная добрым духом — электричеством. Родни прочел ее: «У нас есть все виды гусей, что и в Калифорнии. А ты что за гусь? Джонс, консул».

— Этого надо было ожидать, — сказал Родни. — Гуси есть повсюду на земле.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой гуси начинают свое путешествие

Родни позвонил и распорядился, чтобы гномобиль подали к центральному входу в отель. «Королевские гуси» были надежно упакованы в корзины. Родни спустился с ними в холл и там дожидался, пока администрация не удостоверится, что мебель и ковры не пострадали. Элизабет стояла рядом, немного смущенная, потому что, когда она раньше приезжала или уезжала из отеля, ее вещи, сложенные в красивые чемоданы, вносили и выносили носильщики, а теперь она стояла, обхватив руками разные бумажные пакеты.

Она надеялась, что на нее никто не обращает внимания, но такого не может быть в Калифорнии, где люди интересуются всем новым и необычным.

Вертлявый молодой человек сидел в холле. Как только он разглядел корзины, он тотчас же подскочил к Родни.

— Мистер Синсебау? — спросил он.

— Хм, да, — сказал Родни, мгновенно распознав опасность, которой он подвергается.

— Насколько я понимаю, у вас пара гусей в корзинах?

— Хм, да, — снова сказал Родни.

— Я репортер из «Вжик-Ньюс», нашей местной газеты. Не могли бы вы мне показать ваших гусей?

— Сожалею, но гуси строго секретны.

— Почему же, осмелюсь вас спросить?

— Они очень редкие и ценные.

— Но ведь им не повредило бы, если бы я на них взглянул?

— Боюсь, что повредило бы. Попробуйте понять: они из Абиссинии, а не из Голливуда. Они не любят рекламы.

— Что же, на них никто никогда не смотрит?

— Никто, кроме меня и моей племянницы.

— Вы сами за ними ухаживаете?

— Совершенно верно.

— Вы говорите, что это абиссинские королевские гуси. А чем они отличаются от американских?

— Тем, что они абиссинские. Америка и Абиссиния не одно и то же.

— Несомненно. Но в чем их особенность?

— Ну, можно было бы сказать, что они королевские. У нас в стране ведь нет короля, не правда ли?

— В самом деле. Означает ли это, что они особенно умны?

— Конечно. Они сами вылезают из корзинок и сами туда забираются и сообщают нам, когда они голодны.

— Как сообщают, мистер Синсебау?

— Они издают звуки. Это все равно что они говорят. Да они и говорят. На гномском языке.

Элизабет захихикала, а репортер посмотрел на нее с упреком, решив, что она смеется над ним. Она сделала серьезное лицо и сказала:

— Это единственная пара таких гусей в США. Во всяком случае, они этого опасаются.

— Подумать только! — сказал репортер. — И они сообщили вам это на гномском языке! Я понимаю, что вы надо мной смеетесь. Лучше бы вы разрешили гусиным величествам поговорить со мной. Они бы все рассказали сами, и мне бы не пришлось тратить столько лишних слов.

Родни мрачно заметил:

— Им очень нравятся калифорнийские пейзажи. Им кажется, что у вас здесь великолепный климат. Запишите это и не тратьте лишних слов.

— Нравится ли им больше в Калифорнии, чем в Абиссинии?

Репортер стал быстро записывать.

— О да! Им непонятно, как это можно хотеть вернуться обратно. Они восхищены нашими дорогами. У них на родине дозволенная скорость не превышает шестидесяти пяти километров.

— Ну вот, кое-что проясняется. Могу ли я спросить, как выглядят королевские гуси?

— Расскажи, Элизабет, — попросил Родни.

И девочке пришлось быстро соображать:

— Я бы сказала, что они несколько меньших размеров, чем наши.

— Какого цвета?

— Снежно-белые. Но у них золотые короны на макушках и розовые щеки. И они носят маленькие коричневые шапочки.

— Замечательно! Поверх корон или напротив?

— Как это — напротив? — не поняла Элизабет.

— Это их национальная одежда, — выручил ее Родни.

— И они были так одеты, когда вы их встретили? Я надеюсь, вы сообщите мне, откуда вы

их...

— Нет, нет, это невозможно.

Тут вернулся управляющий после предпринятой им ревизии и сказал, что номера в порядке. Так что Родни мог заплатить по счету и спастись от репортера.

Молодой человек из газеты «Вжик-Ньюс» поспешил следом за ними через холл к автомобилю, умоляя хотя бы намекнуть, почему сын американского магната и его племянница не хотят показать ему гусей.

— Вы были в Абиссинии, мистер Синсебау?

— Был я там, Элизабет? — спросил Родни, отпирая дверцу машины.

— Нет, — решительно ответила девочка.

— Вы сын мистера Синсебау, лесопромышленника с северо-запада?

— Как ты считаешь, Элизабет?

— Да, он один из его сыновей.

— А ваш отец интересуется гусями?

— Мой отец о них ничего не знает. — Это Родни ответил сам.

— Это ваше собственное хобби? Или это деловое предприятие?

— Нет, это делается только в интересах науки. Садись, Элизабет.

— О, вы производите научные эксперименты с гусями? А нельзя ли узнать...

— Я искренне сожалею, но я не могу дольше задерживаться.

— Вы в самом деле не можете мне разрешить только взглянуть, мистер Синсебау?

— Нет, извините.

Родни захлопнул дверцу гномобилия, сел за руль, включил мотор и, в последний раз светски-вежливо улыбнувшись репортеру, выехал на улицу и газанул прочь.

Элизабет дотянулась до корзинок, сняла крышки, и оттуда выскочил юный гном, весь закипая вопросами:

— Что значит «Вжик-Ньюс»? Что такое газета?

Элизабет беспокоилась, что мама прочтет в газете обо всей этой истории, а Родни заметил, что, когда какая-нибудь подобная чепуха появляется в печати, у человека тут же обнаруживается добрый приятель, который присылает ему газетную вырезку.

Машина неслась по асфальту. На дорожных знаках было написано: «Береговое шоссе, С.Ш.101». Сначала по дороге попадались лесистые холмы, потом затененные деревьями реки, с водой, отливавшей зеленым. Потом стало теплеть, леса исчезли, и начали попадаться фруктовые сады в горных долинах. Гномы раньше никогда не слышали о таких деревьях, которые были приручены человеком и служили ему. Глого глядел на это безрадостно, считая, что такие деревья хорошо не кончат. Его несколько не удивило, что подобные деревья подвержены болезням, отчего их часто приходится опрыскивать вонючими химикатами.

Они приехали в ту часть страны, которую Джек Лондон прославил под именем Лунной Долины. Родни, который был ходячей энциклопедией, объяснил, что Джек Лондон — это знаменитый американский писатель, он очень любил путешествия и всяких диких зверей. Он был бы счастлив познакомиться с гномами и страстно поддержал бы их против лесопромышленников. Но увы, Джека Лондона уже нет на свете, а прекрасная долина разделена на участки и вместе со всей своей романтикой продается на квадратные метры.

Родни и Элизабет спрятали гномов в корзины и вышли, чтобы купить поесть. Родни хотел достать в магазине папоротниковых семян, но они не значились в ассортименте, и он купил канареечных семян и тмину. Но выяснилось, что все это гномам не пришлось по душе. Они прекрасно усваивали человеческую пищу, и у них даже стали обнаруживаться свои пристрастия. Они не притрагивались к мясу ни в каком виде, потому что мысль об убитых животных удручала их не меньше, чем мысль о спиленных деревьях. Но им нравились спелые маслины.

— И размером они как надо, — говорил Бобо.

Гномам очень хотелось поесть молодых цветочных побегов, и Родни сообразил купить пучок сельдерея, который доставил Бобо и Глого массу удовольствия. Он понравился им и вкусом и размером. Гномы сражались с пучком сельдерея до тех пор, пока им не удавалось оторвать стебелек, и тогда они его грызли часами.

Путешественники нашли перелесок чуть в стороне от шоссе, расстелили плед и расположились поесть вдали от докучливых взглядов. И там профессор Глого, «заведующий кафедрой арборальной психологии в Редвудском университете», прочел им интереснейшую лекцию о деревьях в этом лесу. Он поговорил с ними и нашел их далеко не прекрасными. Он стал рассказывать шепотом, объяснив, что ему не хотелось бы задевать их самолюбия. Это все равно ничему бы не помогло. Он сказал, что это самодовольные и ограниченные деревья, удовлетворенные тем крошечным мирком, за пределы которого им даже неинтересно заглядывать. Они никогда не испытывали возвышенных чувств. Эти деревья довольствовались жизнью в какие-нибудь полсотни лет, а перспектива рухнуть от ветра или пойти на дрова совсем их не волновала. Они дошли до того, что их не раздражали ни топоры, ни пилы. В этом лесу деревья никогда не слышали о гномах, и многие неприрученные лесные существа были им неведомы.

— У них нет души, и им не свойственны характеры, — сказал профессор арборальной психологии.

Элизабет казалось, что это довольно симпатичные деревца. Но она сочла, что нет смысла высказываться по этому поводу, и хранила вежливое молчание, пока взрослые обсуждали научные проблемы. Глого объяснял, почему это такое бедствие для всего живого, даже для больших людей, когда уничтожают леса. Лес задуман природой для того, чтобы удерживать почву и влагу и чтобы растения могли произрастать. Корни деревьев переплетаются, образуя плотный ковер, который прочно и надежно удерживает влагу в почве. А когда срубают дерево, корень его мертвеет и почва размывается, горные склоны обнажаются, и в конце концов уже ничто не в состоянии расти на таком голом месте.

Родни знал это из университетских лекций, и, когда гномы говорили то, что совпадало с его сведениями, он изумлялся и замечал: «Как странно, что вы это тоже знаете».

Глого в свою очередь поражался:

— Но ведь мы много-много лет наблюдали природу, — отвечал он. Думаешь, мы не смогли разглядеть, как вода утаскивает все полезное? Это можно понять, поглядев на любой ручеек, стекающий с любого горного склона, и наблюдая, как вода тащит крошечные комочки земли. Если приподнять древесный корень, то земля тут же станет размываться и вода сделается

черной. Поток несет землю до тех пор, пока на его пути не встретится другой корень и не задержит землю. Это происходит всюду, все время, по всему свету; то, что снесено с холма, никогда не возвращается назад, потому что нет такой силы, которая возвращала бы.

— Все это верно и соответствует самым глубоким человеческим знаниям, — сказал Родни. — Но беда заключается в том, что в Соединенных Штатах каждый — сам хозяин своего клочка земли и ему позволено делать там все, что взбредет на ум, нисколько не заботясь о тех, кто живет рядом, или будет жить после него.

Этого Глого не знал и расспрашивал Родни о том, как большие люди обращаются с землей. Чем дальше он слушал, тем более ужасным казалось ему то, что отдельным лицам разрешается владеть землей, куда они могут не допустить других людей.

— Никогда ни один гном не додумывался до такого, — сказал Глого. Лес принадлежал всем нам сообща, и тот, кто вздумал бы калечить его, показался бы остальным просто ненормальным. Что толку во всех ваших знаниях, если вы в этой стране не ведаете, как вам уберечь данные вам природой средства к существованию и обеспечить ими всех?

Родни и сам не всегда был доволен тем, как устроена жизнь в его стране, но ему как-то не хотелось, чтобы гном так резко говорил о людях. Родни пытался как-то оправдать людей. Они ведь так привыкли. У них есть свои представления о жизни, и они не смогли бы их изменить, если бы даже захотели, потому что не знают, как это сделать. Скорее, они просто разозлятся на того, кто захочет менять их привычный уклад. Чем больше Родни старался оправдать людей, тем больше Глого раздражался.

Элизабет подумала, что такой разговор вряд ли служит способом лечить мировую скорбь. Ей захотелось прекратить их споры. Но единственное, что ей пришло в голову, — это предложить Глого маринованную луковицу.

Гномобиль снова двинулся в путь. Они въехали в так называемый район залива, где города сменяли города, улицы и дома были обсажены ручными деревьями, а лесов больше не встречалось. Казалось, что даже сама память о лесах исчезла, и сердце старого гнома вновь исполнилось горечи. Они должны были проехать по длинному мосту. Проезд был платный, и гномам пришлось спрятаться. Иначе возникла бы неразрешимая проблема: сколько потребуется гномов, чтобы составить одного пассажира. Когда миновали мост, гномы выскочили из своих корзинок, громко выражая свое восхищение могуществом больших людей и отвагой гномобилля, который решился проехать по такому высоченному мосту над глубокой рекой.

Они пересекли один большой город, потом проехали по улицам другого, нескончаемо большого. Все более и более странные и необычные картины представали перед глазами пораженных гномов: огромные кварталы домов то из дерева, то из камня, где привычную гномам лесную тишину заменяли гудки, звонки и выкрики торговцев. Убежденный в том, что человеческий прогресс не что иное, как безумие, старый гном улегся в корзинку и смежил свои утомленные глаза.

А Бобо гонял с одной стороны машины на другую и все восклицал от удивления, как и положено ребенку ста лет от роду. Люди замечали его и, глядя вслед промчавшемуся гномобиллю, гадали, что это промелькнуло в окне: обезьянка, кукла или, может быть, карлик из цирка?

Город кончился, и гномобиль запетлял между холмов, голых, как коленка. Всех разморило от жары, а Глого кричал, что жара всех мучает потому, что нет деревьев на этих холмах, похожих на распостертое тело, и что эти холмы могут служить укором всем убийцам и врагам леса.

— Тут, по-моему, никогда и не росли деревья, — заметил Родни. По-моему, тут совсем нет воды.

Но Глого поинтересовался, не могут ли люди сами доставлять воду на эти холмы и почему вся человеческая премудрость годится только на то, чтобы разрушать природу, вместо того чтобы ее охранять.

Гномобиль катился по долине Сан-Джоакен со скоростью не менее ста километров в час. Вся долина была покрыта садами и виноградниками или распаханными полями, которые не оставляли гномам ни малейшей надежды. Становилось жарко. Воцарялась та самая печная жара, которая необходима для того, чтобы созрел чернослив. Глого не привык к жаре. Он издавал жалобные стоны, вспоминая тень и прохладу красных лесов.

Элизабет осенила идея. Машина остановилась. Девочка вышла и тут же вернулась с четырьмя маленькими горками, состоящими из прохлады и завернутыми в бумажные салфетки. Старейшему из американцев было предложено познакомиться с великолепным изобретением человека сладкими конусами из мороженого.

— Удивительно! — восхитился Глого, приподнявшись на своей подушке и начиная слизывать мороженое крошечным язычком. — Из чего оно сделано? И откуда в мае в жаркую погоду добыли снег?

Этот «снег» немножко напоминал Глого сладкое молочко тли, но почему он такого приятного розового цвета? И из чего сделана чашечка? И почему что-то стекает по бокам?

— Потому что ты медленно ешь, — сказала Элизабет, а Глого возразил, что не так легко есть мороженое, если ты гном и к тому же не привык, что тебя морозят изнутри.

Бобо подхватывал языком капельки, пока они не успели стечь с вафельного стаканчика, и очень веселился. Каждое новое изобретение человека нравилось ему все больше и больше.

Неутомимый гномобиль достиг города Фресно, и они остановились, чтобы запастись провизией на ужин. Родни купил вечернюю газету, предположив, что там могут появиться сведения о гномах, обитающих в лесах Калифорнии. Но об этом там ничего не было сказано, зато взгляд его обнаружил на первой полосе нечто заставившее его поспешить назад к гномобилю. При этом он странно хихикал. У Родни едва хватило терпения вывести машину за город, чтобы на свободе прочесть своим пассажирам следующее:

ПОТОМОК ЛЕСОПРОМЫШЛЕННИКА ВЕЗЕТ ГУСЕЙ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ПАРА АБИССИНСКИХ КОРОЛЕВСКИХ

ГУСЕЙ В АМЕРИКЕ ПУТЕШЕСТВУЕТ В АВТОМОБИЛЕ.

Вертлявый репортер усмотрел шанс всей своей жизни в этом интервью. Он вернулся в редакцию и выдал веселую фантазию на тему «Миллионер и его таинственные гуси в автомобильном турне ради здоровья и науки». Ему не пришлось так уж сильно преувеличивать. К тому, что гуси королевские, он добавил только, что они еще и священные птицы, и вывел их генеалогию непосредственно от той гусиной стаи, которая, по преданию, своим гоготом спасла Древний Рим от врагов. Он приписал Родни сообщение о том, что гуси могут не только попросить еду, если голодны, но и вообще легко вести любую беседу. Еще он написал, будто Родни сказал ему, что абиссинские гуси не только носят коричневые колпачки, но прямо в инкубаторах вылупляются из яйца с колпачками на голове. Словом, все, что

можно состряпать при помощи живой репортерской фантазии, нашло свое воплощение в опубликованном интервью. Видимо, это имело большой успех, так как информацию веселого репортера приобрело одно крупное агентство печати, а это означало, что заметка уже появилась во многих газетах и в данный момент веселит сердца миллионов читателей. Родни пришлось объяснить Глого магическое устройство газет, которое позволяло истории, рассказанной утром в Северной Калифорнии, оказаться в газетах к обеду в Центральной Калифорнии, а к завтрашнему обеду — в газетах другого полушария.

После некоторого размышления «потомок лесопромышленника» остановил машину в следующем городе и обратился к помощи духа, называемого «междугородный телефон».

Он стал кидать монетку за монеткой в автомат, услышал длинные низкие гудки, потом сказал:

— Петунья, ты видела вечерние газеты?

— Нет, Родни. Что случилось?

— Там есть про нас с Элизабет.

— О господи! Я надеюсь, ничего страшного?

— Нет. Смешная история. Видишь ли, профессор собрал интересные образцы для своих коллекций. Он возит их в корзинах и не хочет никакой рекламы относительно своей работы, и, когда к нам прицепился репортер, я сказал, что в корзинах гуси.

— Гуси?!

— Я сказал первое, что взбрело на ум, а репортер разрезвился в газете. Ничего особенного, только я подумал, что отец не поймет, в чем дело, так что ты объясни ему. Ладно, Петунья?

— Хорошо. Как Элизабет?

— Она рядом.

Элизабет взяла трубку:

— Мамочка, нам очень весело. И мы проезжаем по красивым местам, и я все узнаю про деревья, про лесохозяйство и консервацию лесов. Ты себе представить не можешь!

На другом конце провода ответили:

— Деточка, мама по тебе так соскучилась! — Потом еще: — Ладно, доченька, продолжай свое путешествие и повеселись хорошенько. Только не ешь чего не следует и не попади в грозу. Ты же знаешь, как я боюсь грозы.

Элизабет хотела сказать: «Но, мама, тебя же с нами не будет». Однако она была мудрой двенадцатилетней девочкой и поэтому обещала:

— Хорошо, мамочка, мы будем очень осторожны. До свидания!

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой исследуются высокие горы

Гномобиль мчался на юг по так называемому внутреннему маршруту. Здесь не было никаких лесов, так что пришлось до самых сумерек ехать не останавливаясь. Когда стало смеркаться, они свернули на боковую дорогу и нашли местечко, где можно было расположиться и поужинать без помех. Один только раз по дороге проехала чья-то машина, но гномы еще издали увидели свет ее фар. Они спрятались под пледом и там в темноте грызли сельдерейные листья, пока опасность не миновала.

После ужина гномобиль опять тронулся в путь. Когда настало время спать, он остановился в городе, как и в прошлую ночь. Родни вошел в вестибюль отеля, крепко держа в руках обе корзинки. Следом шла Элизабет. Она несла все их пожитки, упакованные в довольно приличный чемодан, который они купили по дороге. Родни заказал номера, какие им были нужны, написал свою фамилию на регистрационной карточке. Портье повертел карточку, прочел фамилию и весь расплылся в своей самой великолепной улыбке, которую он обычно берег для ведущих государственных деятелей и киноактеров.

— Мистер Родни Синсебау? Я счастлив с вами познакомиться. Это королевские гуси?

— Да, — ответил Родни с неохотой.

— Это необычайно интересно. Я как раз сейчас читал о них в газете.

У славы есть свои недостатки, но есть и преимущества. В газете говорилось, что гуси хорошо воспитаны и никогда не употребляют во зло гостеприимство американских отелей. Так что на этот раз портье не посылал за управляющим, а Родни не подписывал никаких обязательств. Совсем наоборот:

— Мы будем рады предоставить в ваше распоряжение наш лучший номер для молодоженов, мистер Синсебау. И не возьмем за него дополнительной платы. Мы счастливы, что вы удостоили нас чести остановиться в нашем отеле.

Их проводили наверх, в две комнаты с высокими потолками и резными кроватями, на спинках которых были изображены лебеди.

— Сожалею, что это не гуси, — сказал оказавшийся тут же портье.

Он присоединил к коридорному еще и свою особу в качестве почетного эскорта. И тот и другой стояли, не в силах скрыть любопытства, пока Родни не заверил их, что он с племянницей вполне способен сам распаковать корзины, и не сунул коридорному пару «дощечек», чтобы наконец избавиться от зрителей.

Едва Родни и Элизабет успели закрыть фрамуги, задвинуть жалюзи и выпустить гномов из их убежища, как зазвонил телефон, и Родни сказал:

— Нет, нет, я очень сожалею, но объясните, пожалуйста, молодому человеку, что я был целый день за рулем и очень устал: я не могу давать никаких интервью сегодня.

Но этим не кончилось. Телефон снова зазвонил, на этот раз говорил молодой человек сам:

— Позвольте мне объяснить, мистер Синсебау. У нас особое распоряжение из Нью-Йорка — разыскать вас и разузнать, чем все кончится. История с гусями имела потрясающий успех — вся страна хочет услышать о гусях. Я прошу вас показать мне их, мистер Синсебау, или, по крайней мере, рассказать о них поподробнее. Я погиб, если детали этой истории проплывут мимо меня. Или вы мне их сообщите, или мне просто придется все придумывать самому.

— Придумывайте все, что хотите, — сказал Родни с величественным безрассудством богача.

Он попросил отключить в номере телефон и повесил на дверь табличку: «Прошу не беспокоить».

Гномы легли спать возле электрического вентилятора, который должен был заменить им свежий лесной ветерок. А Элизабет в своей комнате у другого вентилятора видела во сне, как гуси улетели к себе в Абиссинию, а следом за ними летели, как живые, экземпляры дополнительных выпусков газет.

Настало утро. Жаркая заря Центральной Калифорнии предвещала не менее жаркий день. Ясно, что в такую жару урожай винограда страшно повысится и спутает все цены на изюм. Родни приоткрыл дверь в коридор и увидел, что заботливая администрация положила утреннюю газету перед дверью каждого номера. Он взял газету и обнаружил там рассказ под крупным заголовком через всю полосу:

КОРОЛЕВСКИЕ ГУСИ В ГОРОДЕ.

ПОТОМОК ЛЕСОПРОМЫШЛЕННИКА РАЗРЕШИЛ

ВЗГЛЯНУТЬ НА СВОЕ СОКРОВИЩЕ

Молодой репортер поймал Родни на слове и написал, что хотел, и столько, сколько хотел. Ему вздумалось рассказать, что он был принят в парном номере для новобрачных и видел королевских гусей в ванне: оказалось, что они даже спят в ванне, спрятав головы под мышки. Рассказ делался особенно красноречивым, когда описывались золотые кисточки на их головах и розовые перышки на щеках. Сообщалось также и то, как очаровательно они машут хвостиками: один раз — значит «ты мне нравишься», два раза — «ты мне не нравишься», а три — обозначает «катись к чертям». Очаровательный и обаятельный потомок магната все еще отказывается сообщить, где он достал эти драгоценные существа. Он собирает гусиные яйца; каждое утро под его кроватью оказывается одно яйцо. Его племянница хранит их в чемодане. Когда яиц будет тринадцать — а это императорское мистическое число в Абиссинии, — гусыня сядет высиживать гусят. А пока гуси знакомятся с Калифорнией и выражают восторг на гномском языке по поводу местного чернослива и изюма. Родни будто бы объяснил, что гусыня произносит слова только под воздействием яркого солнечного света. Так накануне она весь день весело болтала в машине.

Телефон зазвонил. На проводе был репортер, который спрашивал, хорошо ли он все сочинил. Родни сказал, что это лучший образец научного освещения фактов из всего, что он встречал в американской прессе. Репортер поинтересовался, куда они сейчас направляются с гусями, и Родни посоветовал ему это тоже сочинить самому. Потом репортер осведомился, нельзя ли получить фотографию Родни.

— Воспользуйтесь фотографией принца Уэльского, — посоветовал Родни и повесил трубку.

Они заказали завтрак: кофе, поджаренный хлеб и повидло для Родни, апельсиновый сок и пшеничные хлопья для Элизабет. Мама одобрила бы такой завтрак.

Пока гномы разламывали хлеб и макали кусочки хлеба в повидло, снова зазвонил телефон. Это был другой репортер — из другого агентства печати, который сказал, что ему звонили из главной редакции в СанФранциско и просили сообщить подробности.

Родни ответил, что он их с собой не захватил, повесил трубку и попросил администрацию

снова отключить телефон. Тогда раздался робкий стук в дверь, и принесли записку от этого второго репортера с просьбой рассказать, что едят королевские гуси. Внизу, где оставалась чистая бумага, Родни написал: «Хлеб с повидлом на завтрак, а на обед и на ужин — сельдерей и мороженое».

Потом Родни и Элизабет сложили вещи и отважились спуститься в вестибюль. Там их ждала огромная толпа народу, включая трех очень активных юношей с тремя огромными черными ящиками. Они неистовствовали и умоляли позволить разочек «щелкнуть» гусей. Родни попросил Элизабет сходить заплатить по счету, а сам крепко держал корзины, боясь, как бы эти не в меру активные юноши не выхватили их из рук. Им очень хотелось, чтобы Родни и Элизабет стали в позу перед объективом, как кинозвезды или прибывшие из Европы известные дипломаты. Родни не собирался позировать, поэтому они просто щелкнули его, когда он пересекал вестибюль. И еще раз на улице, когда они с Элизабет садились в гномобиль. Там собралась такая толпа, можно было подумать, что в город приехал цирк.

Как только гномобиль тронулся, Бобо сделал попытку выбраться из укрытия и расспросить о фотоаппаратах и фотографах. Но его попросили пока подождать. Родни вел машину по главной улице, и Элизабет заметила: «По-моему, ты едешь не туда». Но Родни казалось, что за ними гонятся, и он поэтому повел гномобиль на большой скорости, сворачивая то направо, то налево. Он смотрел в зеркальце, а Элизабет — через заднее стекло. Несомненно, машина с двумя пассажирами следовала именно за ними. Каждый раз, как гномобиль сворачивал за угол, эта машина сворачивала туда же.

Родни все время пересекал главную улицу, потому что там были светофоры. Наконец ему удалось проскочить как раз перед тем, как движение перекрыли, улицу застопорили другие машины, и репортеры застряли. Родни сделал несколько резких поворотов, пока не убедился, что машина, груженная репортерами, потеряла их из виду. Тогда гномов выпустили, и Родни стал им рассказывать о чудесах газетной фотографии, а также о дорожных сигналах.

Гномобиль стал подниматься по предгорьям, окаймлявшим горный национальный парк. Снова появились деревья, настоящие деревья, которые заслуживали внимания старого гнома. Глого встал у окна. В его взгляде опять появился интерес к окружающему. Шоссе прокладывало гладкий путь вверх, вверх, в горы. Глого указывал то на одно, то на другое дерево. Это были герои давно прошедших времен, выстоявшие в течение веков. Он умел мгновенно прочитывать историю их длившейся столетиями борьбы со стихиями и объяснял, что они чувствуют теперь. Такие деревья всегда бывают напряжены и угрюмы. Они ни на минуту не прекращают добывать материал и строить укрепления против будущих бурь. В горах нет ни покоя, ни безопасности. Чуть ниже из гор били ключи чистой, прозрачной воды. Так и должно быть, если не вырубать леса, а оставить все так, как задумано самой природой.

Как много мог рассказать гном о том, что происходит в этих горных ущельях, о красивых лугах, окаймленных лесами! Он понимал, что переживают деревья и о чем беседуют травы с цветами на своем языке. Глого действительно был профессором арборальной психологии.

Гномобиль покатился по первой долине с секвойями. Это были древние чудовища со времен прапрадедушки Глого, около девяти метров в поперечнике, и не там, где ствол раздавался вширь у самой земли, а над этим местом, в комле. Ростом они были ниже красных кондори, но плотнее, коренастее, каждое из них настоящее дерево-гора. Во времена птеродактилей и динозавров такие деревья покрывали весь северо-запад американского материка, а теперь их оставалось всего несколько сотен в государственных парках. Их сок ядовит для насекомых и разных других вредителей. Они не боятся бурь, потому что у них ломкие ветви, и если ветки сдувает ураганом, то на стволе вырастают новые. Единственное, чего они боятся, — это огня. По стволам прочитывалась вся история их борьбы с этим страшным врагом леса. У них кора твердая, как металл, ее не легко сжечь. Но было видно, что когда-то горел у их ног подлесок, и огонь проел дыры в стволе, и сок при этом закипал, и сердцевина гнила. Но могучий ствол

все стоял, выжженный внутри, и посылал сок по уцелевшей коре к ветвям, питая их там, наверху, у самых небес. Можно было увидеть дерево-калеку, у которого оставалась одна только кора не больше тридцати сантиметров толщиной, но она достигала вершины и питала одну-единственную ветвь — как бы последний вздох этого дерева.

Шоссе было построено с таким расчетом, чтобы сохранить деревья: оно протискивалось между ними, иногда сбывая некоторые их корни, и из окошка машины можно было рукой потрогать кору. В одном месте дорога шла прямо сквозь выгоревшее дерево, и это было незабываемо для всякого путешественника, который, вернувшись, всем об этом рассказывал. Гномобиль легко прошел сквозь такое дупло. Через него могли пройти и сотни гномов. Но их не могло оказаться в таком лесу, им негде было бы поселиться: гномам нужен кустарник, мелколесье, чтобы было где прятаться от людей, а в этом лесу, чтобы сократить возможность пожара, лес был очищен от подлеска. К тому же молодые побеги секвойи не умеют вырастать из пней и поваленных стволов, как кондори. Каждое деревце должно начинать свою жизнь от семечка, а семечку было не прорасти, потому что уж очень древней была эта земля: густые сплетения корней, мох, опавшая хвоя — все это создало такой плотный ковер, сотканный от начала времен, что слабый росточек, проклюнувшийся из семечка, был не в силах пробиться к свету и погибал.

Прекрасное путешествие, пейзажи один красивее другого, но, увы, никаких гномов! Они проезжали долину за долиной, и по главному шоссе, и по менее наезженным дорогам. Машина останавливалась, Родни относил корзинки в лес, выпускал из них своих крошечных друзей, и они занимались розысками, но все безрезультатно. Родни расспросил одного лесника о тех долинах, где бывает мало туристов. Они провели целый день в поисках, и Глого расстраивался все больше и больше.

Когда в сумерках они сидели в укромном местечке и ужинали, Глого сказал, что не стоит больше искать, потому что, видимо, гномы не живут там, где секвойи. Он утратил всякий интерес к лимонаду и сельдерее, хлебу и сыру, спелым маслинам и маринованному луку и погрузился в бездну мировой скорби, откуда было нелегко его спасти.

— Право же, смешно отчаиваться, Глого, — уговаривал его Родни. Америка — огромная страна, где большие пространства покрыты лесом. Хотя бы эти горы. Они тянутся на сотни миль и покрыты лесами по обоим склонам. Гномы могут обнаружиться в любом из них.

Но это не утешило старейшего из гномов. Все его предки жили среди больших деревьев, а если в другом лесу и найдутся гномы, то, возможно, они окажутся совсем другими, может, они говорят-то на непонятном языке.

— А мы с Бобо научим их, — сказала Элизабет. — Вот будет интересно, да?

Бобо быстренько согласился. Он женился бы на девушке-гномке, даже если бы она говорила на языке сеуаш. Кто-то из его предков однажды слышал, что на таком языке говорит какое-то племя индейцев.

— Если даже мы их найдем, — продолжал Глого, — они все равно уже во власти больших людей, которые покорили всю землю, изменив ее до неузнаваемости. Что бы стали гномы делать в ваших городах? Разве что помогать газетам рассказывать басни!

— Я уверен, что дело для них очень быстро нашлось бы, — бодро отозвался потомок лесопромышленника. — Я бы попросил отца сделать для них заповедник. Вы бы назначили один приемный день в неделю или чтонибудь в этом роде, а в остальное время вас бы не беспокоили.

— Мы не хотим зависеть ни от чьей благотворительности, — холодно заметил Глого. — Гномы всегда были свободны. А теперь, видишь, мы вынуждены пользоваться вашей

добротой и заставляя ваш гномобиль возить нас.

— Боже мой! — воскликнул Родни. — Да не думай ты об этом. Это одно из самых больших удовольствий из тех, что я в жизни испытал.

— Это прекрасное времяпрепровождение! — вставила Элизабет. — Родни все равно только слонялся бы вокруг дома, читал бы книжки и не знал бы, куда себя девать.

— Верно, Глого. Мне было так скучно, что я чуть было тоже не впал в мировую скорбь. — Родни вдруг подумал, что можно попробовать излечить Глого от его печалей, рассказывая ему о своих.

И Родни стал рисовать Глого безрадостную картину жизни потомка лесопромышленника, приговоренного судьбой унаследовать отцовское дело и преследуемого мыслью об этом и днем и ночью.

— Понимаешь ли, друг мой, мне совершенно нечего делать дома. На то, чтобы что-то делать, есть прислуга. И если я что-нибудь вздумаю сделать, то я попросту буду путаться у прислуги под ногами, что, несомненно, вызовет ее недовольство.

— Какое странное положение! — воскликнул старый гном, начиная проявлять интерес.

— Так было с самого раннего детства. Всегда находился кто-то, кто должен был делать домашние дела, а мне это запрещалось.

— Гному трудно в этом разобраться, — заметил тысячелетний Глого. Каждый гном был у нас обязан крепко стоять на ногах и все делать для себя самостоятельно.

— Теперь ты видишь, — продолжал Родни, — если вы с Бобо позволите мне возить вас в гномобиле, я могу считать, что я помогаю науке, и мне это гораздо приятнее, чем играть в гольф или писать стихи, которые все равно никто никогда не прочтет.

— Ты очень добрый, — сказал Глого. — Ни один человек, большой или маленький, не мог бы сделать больше для другого, чем ты для меня в своих попытках заставить меня быть счастливым.

Так, без особых надежд, но не желая обидеть Родни, Глого согласился продолжать путешествие. Он постарается победить свою мрачность, чтобы оказаться приятным компаньоном. Глого и Родни обменялись почти японскими вежливостями, а потом принялись изучать карту, планируя посетить Йосемит, чтобы разузнать, какие гномы живут в тамошних лесах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой гуси посещают косметический кабинет

Гномобиль возвратился на шоссе. В ближайшем городе Родни купил свежую газету. На первой полосе было описано их утреннее приключение в отеле и опубликован странный рацион королевских гусей, а также были помещены фотографии: Родни, отвернувшись от

объектива; Элизабет, скорчившая гримасу, и портрет принца Уэльского. Был к тому же помещен отчет об утренней гонке и поставлена скорость, с которой Родни вел машину (мама придет в ужас, когда прочтет!), и даже номер машины. Родни сказал:

— Они скоро объявят награду за наши головы.

— Что мы будем делать? — спросила Элизабет, оживленная быстрой ездой и польщенная видом своей фотографии в газете.

Родни ответил, что они будут теперь путешествовать инкогнито. Он объяснил, что когда путешествуют члены королевской семьи и хотят при этом избежать выполнения общественных обязанностей, то они называют себя вымышленными именами. И если так можно было поступать членам королевской семьи, то почему бы этим не воспользоваться и членам семьи лесопромышленника? Родни объявил, что отныне он Иеремия Титертон Дженкинс из Каламазу, штат Мичиган. Элизабет удивилась: откуда это Родни взял такое смешное имя? Родни объяснил, что вымышленное имя должно быть смешным, а то оно еще окажется настоящим именем какого-нибудь человека, который подделывает чеки или собирает ограбить банк. Элизабет засмеялась от восторга.

— А кем я буду? А девочки могут ограбить банк?

Родни сказал, что вообще-то грабительницы встречаются на свете, но лучше пусть Элизабет назовется его дочкой или гувернанткой, как она захочет. Наконец, они решили, что ее будут звать Люсита Луиза Дженкинс и что это милое, мелодичное имя, которое вряд ли принадлежит какой-нибудь грабительнице. Бобо решил, что он тоже должен путешествовать инкогнито, — одна из виденных ими гигантских секвой была названа «генерал Шерман», — Бобо решил, что он тоже будет называться генерал Шерман, пока не придумает что-нибудь получше. Но они никак не могли уговорить Глого выбрать себе имя какого-либо выдающегося деятеля, например генерала. Ему очень не понравилось, что Бобо взял себе человеческое имя. Глого определенно не хотелось, чтобы его внук проявлял интерес к делам больших людей.

Когда пришло время спать, Родни подвел гномобиль к отелю, но не к парадному входу, а завел его прямо в гараж. Видно, в гараже еще не прочли газету, потому что их встретили там спокойно и не приставали с расспросами. Родни взял корзинки, Элизабет — чемодан. Усталые, они едва доплелись до входа в отель; Родни подошел к портье, взял карточку и написал: мистер Иеремия Титертон Дженкинс — Каламазу, Мичиган; Люсита Луиза Дженкинс, оттуда же, и, как обычно, спросил две комнаты с ванной. Портье поглядел на корзинки и сказал:

— Мы не разрешаем держать в номерах животных, сэр.

— У меня нет никаких животных. В корзинах находятся антропологические образцы.

— Понятно, — сказал портье, но вид у него был такой, что он не очень-то ясно понял, в чем дело. Однако он попросил коридорного проводить их в номера 317 и 319. Родни хранил серьезное и достойное выражение лица и на этот раз не раздавал «дощечек».

Путешественники заперлись и устроились на ночлег. Никто им не звонил и не стучал в дверь.

Утром все было тихо и спокойно, и в холле их не подстерегали ни репортеры, ни фотографы.

— Доброе утро, мистер Дженкинс. Хорошо ли вы отдохнули? — спросил портье.

Родни сказал, что да. Он уплатил по счету и преодолел усилия коридорного взять у него из рук корзины или привести машину из гаража. Они вышли на улицу не сопровождаемые никем,

и Родни вздохнул с облегчением.

— Я буду мистером Дженкинсом весь остаток своей жизни, — заявил он.

У Родни возник план, как устроить гномов поудобнее в машине. Заднее сиденье было слишком низко для них: им ничего не было видно в окошко; если машина подсакивала на кочке, то гномы сразу же выстреливались в потолок, а если резко тормозила, то они скатывались на пол.

Родни решил положить на заднее сиденье еще одно и по бокам ввинтить кольца, чтобы можно было к ним привязать веревку, за которую гномы могли бы держаться.

Родни остановил машину перед «Добрыми услугами», рабочий вышел им навстречу, и Родни сказал, что требовалось сделать, разумеется не объясняя для чего. Тот ответил, что у него найдется сиденье, только с другой обивкой, но Родни перебил его: «Неважно, мы наденем чехол». Рабочий сходил за кольцами и стал было их вкручивать, а Родни переставил корзины на переднее сиденье. Возможно, он брался за корзины слишком бережно или еще почему-либо, но он перехватил взгляд рабочего и уловил какой-то блеск в его глазах. Этот блеск давал понять члену королевской фамилии, путешествующему инкогнито, что он опознан.

Рабочий пошел в мастерскую якобы взять какой-то инструмент и, конечно, сообщил остальным о своем открытии. И вот у машины уже стояла секретарша и несколько других сотрудников «Добрых услуг», и все глазели на потомка лесопромышленника и его племянницу и на машину, где на переднем сиденье в корзинках помещались королевские гуси и где заднее сиденье поднимали, чтобы гуси могли любоваться пейзажами. Можно ли представить себе более дурацкую ситуацию?

Естественно, что один прохожий останавливался, любопытствуя, потом другой и третий. Магическое слово поползло по улице: «Это гуси! Королевские гуси!». И люди стали стекаться отовсюду: из магазинов, с противоположной стороны улицы, и вскоре образовалась толпа, точно это был пожар или уличное представление. Родни и Элизабет попались. Им некуда было скрыться с корзинками, а если бы они и попытались, толпа ринулась бы за ними. Им оставалось только внимательно следить за работой и словно не замечать, что на машину глазуют со всех сторон. И вот — настоящее бедствие: юркий молодой человек расталкивал толпу локтями.

— Доброе утро, мистер Синсебау. Я репортер «Вечернего «Пшикрипорт», нашей местной газеты. Мы очень, очень счастливы видеть вас в нашем городе!

— Как вы можете себе представить, я был бы очень, очень счастлив выбраться из вашего города, — отозвался Родни угрюмо.

— У вас в машине переделки? Это, несомненно, для удобства гусей? Молодой человек был так возбужден, точно он только что нашел золото в Калифорнии. — Можно ли узнать, что вы переделываете в машине? Это чтобы гусям было видно в окошко? Разве у них недостаточно длинные шеи?

— У гусей шеи не такие длинные, как у тех, кто пытается их увидеть.

— Прошу вас, мистер Синсебау, извините, что я вам надоедаю. Репортерам нельзя без этого обойтись. Во-первых, нам дают задания, а во-вторых, нам ведь тоже надо жить.

— Как однажды сказал один знаменитый человек: «Сэр, я не вижу необходимости», — мрачно прокомментировал Родни.

Но репортера ничем нельзя было остановить:

— Вы натягиваете веревки? Это чтобы гуси не ушиблись? Они уже ушибались?

— Они были в порядке, когда я видел их в последний раз.

— Они в корзинках? Можно, я посмотрю, чтобы я мог написать в газете, что я их видел?

— Вы же все равно напишете, что видели их, так что не все ли равно?

— Мне кажется, вы не любите репортеров, мистер Синсебау? Я обратил внимание на то, что один вопрос пока не нашел освещения в газетах: это имена королевских гусей. Ведь у них есть имена?

— О да!

— Как же их зовут?

— Гуся зовут Иеремия Титертон Дженкинс, а гусыню — Люсита Луиза Дженкинс.

Элизабет хихикнула и прикусила губу. Репортер строчил как сумасшедший. Он повторил имена и спросил:

— Это, конечно, не абиссинские имена?

— О нет, это имена в переводе.

— Как же зовут гусей на их языке?

— Гуся зовут генерал Шерман.

— Вы шутите?! А гусыню?

Обсуждение было прервано, потому что сквозь толпу к ним пробирался человек с фотоаппаратом.

— Расступитесь, — обратился он к толпе. — Я хочу сфотографировать.

— О нет, пожалуйста, не расступайтесь! — взмолился Родни.

Фотограф прокладывал себе дорогу в толпе, криками и мольбами расчищая себе место и держа свой аппарат наготове.

Родни в отчаянии ухватился за толстого мужчину, который стоял рядом с ним, и поставил его впереди себя.

— Станьте на мое место, — попросил Родни.

— Мне он не нужен! — завопил фотограф. — Мне нужны вы!

— А мне нужен он, — отрезал Родни и шепнул толстяку: — Загородите меня, я дам вам пять долларов.

Толстяк переживал тяжелые времена, поэтому он остался стоять как вкопанный. Элизабет испугалась было всей этой толпы и шума, но увидела, что Родни трясется от смеха, и сама рассмеялась.

Дополнительное сиденье было укреплено, и Родни решил, что пока этого достаточно. Орудая толстяком, как щитом, он попросил рабочего оставить в машине кольца и веревки, заплатил

ему по уговору, дал толстяку пять долларов и велел Элизабет прыгнуть в машину. Он вручил ей корзины, дал сигнал и выехал из толпы. Мотор гномобилия заработал, и он пополз по улице с хвостом из полдюжины машин. Ушло довольно много времени и усилий, чтобы растрясти этот хвост и добраться до спокойного места, где можно было выпустить гномов на волю.

— В чем дело? Что случилось?

У Бобо была целая куча вопросов. Какой ужас — просидеть все это время в темноте! Элизабет рассказала ему о толстяке и сердитом фотографе. Бобо начинал осознавать всю общественную значимость своих друзей. Возможно, он и сам был не прочь вылезти из корзинки и сфотографироваться, и чтобы эта фотография появилась наряду с их фотографиями во всех газетах мира.

Другое дело Глого. Тысячелетний гном хранил молчание, похожее на протест. Весь этот шум и гам, который ему пришлось услышать, укрепил его во мнении, что человеческий мир сошел с ума. Но он понял также, что большие люди могущественны и управляют судьбой гномов. Пока что как средство от мировой скорби это путешествие терпело крах.

Родни начинал об этом догадываться.

— Мне думается, что история с абиссинскими гусями изжила себя. Нам надо от них избавиться, — сказал он.

— Но как? — спросила Элизабет.

— Мы могли бы зарезать их и съесть.

— Родни!

— Ну, подарить их кому-нибудь или продать с благотворительной целью.

— Но у нас их нет, Родни!

— Надо их достать. Люди все равно не оставят нас в покое.

— Поехали в Абиссинию, — пискнул Бобо.

Но Родни сказал, что им надо просто достать абиссинских гусей в Калифорнии. И пусть репортеры перестанут гоняться за гномами и устраивают гусиные гонки.

Родни остановился у ближайшего магазина и купил две корзины с крышками. Потом он купил коробочку школьной акварели, коричневый лоскут и иголки с нитками.

— Ну, теперь мы готовы к гусиным гонкам.

Он попросил Элизабет быстро сшить две коричневые шапочки, такие же, как у гномов, только с завязочками, чтобы они не спадали с гусиных голов. Трудно было достать гусей в долине Сан-Джоакен, потому что там не было ни рек, ни озер и воду качали насосами. Родни свернул на дорогу, которая вела к морю. Это была красивая дорога, и вскоре показались леса. На склонах горы были фермы, и — о радость! — на одной из них за домом сверкнул пруд, а на воде — о удача! — снежно-белые гуси!

Родни остановил гномобиль подальше от дома, чтобы не рисковать, что его опознают. Прихватив новые корзины, он вошел в дом и, вступив в переговоры с фермером, выяснил, что молодую веселую парочку гусей можно купить за четыре доллара. Родни тут же передал фермеру деньги, а тот, не мешкая, насыпал зерен, приглашая гусей на пир. Фермер нацелился на гуся, а Родни на гусыню, и они разом, как по команде, накинулись на птиц.

Элизабет и Бобо много дали бы за то, чтобы поглядеть на это сражение своими глазами!

Нельзя было представить наперед, какой силой обладают крыло, лапа и шея молодого калифорнийского гуся! Трудно вообразить, какое понадобилось количество рывков и толчков, чтобы наконец запихать гусей в корзинки и закрыть крышки. Битва еще не завершилась победой, а лицо Родни уже было красным, его хорошо сшитый костюм испачкался, а на руке образовалась царапина, нанесенная то ли клювом, то ли когтем — он сам не знал чем.

Но вот он торжественно принес свою добычу в гномобиль. Тот был теперь полностью нагружен: и чемоданы, и гуси, и гномы! Как только они нашли укромное местечко, Родни велел Элизабет размочить акварель, два маленьких кювета с оранжевой и розовой краской. Каждый школьник знает, что приходится слегка поработать над ними, прежде чем они начнут красить. Элизабет трудилась, а Бобо задавал вопросы по поводу красок, из какого цветка сделана каждая краска и можно ли их есть. Наконец краски размокли, и Родни, усевшись верхом на одну из корзин, приподнял крышку, чтобы гусь мог просунуть только голову и шею.

Молодой здоровый гусь ведет себя спокойно, пока он находится в темноте, но он совершенно меняет свое поведение, когда у него появляется надежда освободиться. Родни пришлось крепко схватить гуся за шею.

— Гусик, — сказала Элизабет, — ты не понимаешь разве, что это косметический кабинет! Поговори с ним, Бобо, и объясни!

Но Бобо, к сожалению, не знал, что значит косметический кабинет, и не имел понятия, как это звучит по-гусиному. Он был немного знаком с языком диких гусей, но эти существа с птичьего двора были ему чужими.

Элизабет взяла кисточку и старательно и любовно, как это сделал бы прирожденный художник, нанесла розовый мазок на обе щеки каждого гуся.

— Все леди мажутся, — сказал Родни. — Почему бы некоторым гусям не заняться тем же?

Элизабет добавила еще по золотому ободку на гусиных макушках, как бы кайму к шапочкам. Шапочки пришлись гусям впору. Элизабет не хотела их снимать, но Родни велел пока снять, потому что гуси могли стащить их с головы и съесть или сделать еще что-нибудь в этом роде. Шапки надо было сохранить для особо торжественных случаев.

Головы и шеи гусей запихали обратно в корзины, и Родни сказал:

— Хорошо бы написать стихи от имени наших гусей.

— Конечно! — воскликнули Элизабет и Бобо одновременно.

Они притихли и со священным трепетом глядели на Родни, пока он думал. Наконец Родни прочел:

Мы абиссинские гуси,

Мы в королевском вкусе,

У каждого есть по короне,

Неважно, что мы не на троне.

Мы роскошно одеты.

Нас воспевают поэты.

Нам стоит вильнуть хвостиком —

Репортеры примчатся в гости к нам.

Потом они позавтракали, и Родни достал авторучку и почтовые принадлежности. Он составил несколько телеграмм, которые тут же зачитал гномам, гусям и девочке:

«Управляющему отелем «Империал», Сан-Франциско. Забронируйте номер для пресс-конференции с абиссинскими королевскими гусями в пять часов сегодня. Родни Синсебау». Это была телеграмма номер один. Следующая направлялась в крупные города, во все газеты и агентства печати. «Абиссинские королевские гуси приглашают вас на прием в их номер в отель «Империал» сегодня в пять часов». И еще одну — секретарю общества «Зеленый крест», которое занимается охраной лесов.

— Глого будет доволен, — сказал Родни. — Он простит какую хочешь чепуху, если это поможет спасти места обитания гномов.

Глого поднялся в своей корзинке во весь рост и вежливо поблагодарил. Родни зачитал телеграмму:

«Я дарю королевских гусей обществу «Зеленый крест» для продажи на открытом аукционе тчк средства от продажи поступят в пользу развития вашего дела тчк пошлите представителя на пресс-конференцию отель «Империал» сегодня пять часов».

И еще одна телеграмма была адресована аукционеру в Сан-Франциско, сведения о котором Родни вычитал в газете. Он также приглашался на пресс-конференцию. Родни был уверен, что он приедет, потому что аукционеры любят рекламу.

— Слава в делах человеческих обозначает деньги, а деньги нужны большинству людей в Америке, — объяснил он.

От этих слов Глого слег в корзинку с сильным приступом мировой скорби.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой гусей продают

Все снова погрузились в гномобиль, и он на большой скорости помчался к берегу моря. В городе, который первым встретился на пути, Родни наконец отправил свои телеграммы. Телеграф, у которого очень живой характер, мгновенно доставит их в большие города, и все приглашенные лица явятся в срок. В следующем городе Родни купил газеты дневного выпуска. Там было описано их утреннее приключение: как они записались в отеле под фамилией Дженкинс, и как они переоборудовали автомобиль для удобства гусей, и как эксцентричный потомок лесопромышленника нанял толстяка, чтобы загородиться им от фотообъектива. После того как Родни все это прочел, он еще больше уверился в том, что на

«пресс-конференцию» прибудет много народу.

Родни рассчитал время так, чтобы попасть к отелю «Империял» за несколько минут до начала. Он принес извинения гномам за то, что они будут лишены интересного зрелища, и попросил прощения у Элизабет, что ей придется без него посидеть в машине и постеречь корзинки с гномами. Он постарается быстренько отделаться и вернуться назад как можно скорее. И тогда они будут свободны от преследующей их толпы и городского шума и смогут вернуться в леса.

Он завел машину в гараж и договорился, что она постоит там часдругой. Коридорные отеля выбежали ему навстречу. Теперь-то он позволил им нести корзинки — пусть несут, а он будет следовать за ними с достойным видом. Он хотел оплатить забронированный номер, но администрация отеля была рада предоставить его Родни бесплатно, давая понять, что в любом подобном случае он может на них рассчитывать.

Родни поднимался по лестнице, сопровождаемый двумя коридорными с корзинками. В большой комнате было человек двадцать: репортеры, фотографы, секретарь «Зеленого креста», аукционер — все в ожидании потомка лесопромышленника, который был для них в данный момент центром Вселенной.

Родни был воплощенный дух вежливости. Никакой ветрености, никакой игры в прятки при помощи толстяков. Он начал свою большую речь, которую репортеры судорожно заносили в свои блокноты.

— Джентльмены! Некоторое время я был занят научным экспериментом, который считал очень важным. Для меня было очень существенно обеспечить себе возможность спокойно работать, но, к сожалению, сведения об эксперименте просочились в печать. Это произошло потому, что администрация одного отеля настаивала, чтобы ей сообщили, что находится в моих корзинах. Когда я вынужден был дать ответ, администрация отеля сочла возможным передать сведения журналистам. С тех пор меня преследуют толпы, и я лишен возможности работать. Естественно, что моей семье такая реклама неприятна. Вы знаете, что сегодня произошло с моей племянницей и со мной. Я должен каким-то образом положить конец происходящему.

Репортеры потупили взоры. Эти творцы рекламы знали, что большинство людей только притворяется, что не любит рекламы. Но есть и такие, настолько богатые, что не любят ее на самом деле. И это всегда производит на них большое впечатление.

— Некоторое время, — продолжал Родни, — я интересовался работой «Зеленого креста» — общества, которое занимается охраной лесов и земли. Я понимаю, что эти гуси, вероятно, стоят немалых денег, судя по проявляемому публикой интересу. Я решил презентовать их «Зеленому кресту», чтобы это общество могло воспользоваться для своей дальнейшей работы деньгами, которые поступят от продажи гусей на аукционе. Я пригласил сюда секретаря общества, и я надеюсь, что он примет мой подарок.

Секретарь представился собравшимся, и журналисты, никогда не слыхавшие о «Зеленом кресте», задавали ему вопросы и записывали ответы. Он сказал, что дар мистера Синсебау — большая поддержка для общества и что он его принимает с горячей благодарностью. Потом наступила очередь аукционера. Родни сказал, что он пригласил этого джентльмена из-за его профессиональной осведомленности, и выразил надежду, что он позаботится о продаже гусей. Аукционер тоже сказал, что он в высшей степени интересуется работой «Зеленого креста» и не возьмет платы за свои услуги.

— Я надеюсь, что газетные объявления не обойдутся нам дорого, сказал он, и репортеры заулыбались. Родни продолжал речь:

— Теперь осталось посмотреть гусей и сфотографировать их. Вы, журналисты, возможно, поражались тому, что я окружил тайной этих гусей. Но они полудикие, очень легко путаются и не приучены к чужим. Контакты с посторонними выбивают их из колеи и мешают их приучению. Конечно, теперь я прекращаю работу с ними, они собственность «Зеленого креста», и это общество отныне несет за них ответственность. Смотрите на них, фотографируйте, но не ждите от меня, что я продемонстрирую то, чему их обучил. Может быть, кто-нибудь из вас сумеет убедить их выступить на публике. Мне это ни разу не удавалось, и я никогда не претендовал на это. Все. Я выпущу их из корзины в соседней комнате. Они всегда в первый момент сопротивляются. Я постараюсь успокоить птиц, но я не гарантирую их хорошее поведение.

Родни говорил это так внушительно, что можно было подумать, что в номере отеля «Империал» он собирается выпустить из клетки королевских бенгальских тигров. Он попросил коридорных вынести корзины в смежную комнату. И, после того как они удалились, приоткрыл корзинку, пристроил шапочки и выпустил гусей наружу.

Родни не представлял себе, будут ли гуси стаскивать шапочки с головы, или кинутся на него, или заберутся под кровать, или еще что. У него в кармане завалялось несколько зернышек; он рассыпал их на полу, надеясь, что гуси не окажутся уж слишком «гусями», и его надежды оправдались, потому что птицы тут же занялись зернами в том углу, где они были рассыпаны.

Родни быстро подбежал к двери, открыл ее и сказал:

— Прошу вас, джентльмены!

Все ввалились в комнату и увидели действительно пару гусей, и действительно щеки у них были розовые, и действительно на головах у них были золотые колечки, и действительно над ними возвышались островерхие шапочки. Вот они были тут, те самые гуси; вид у них был испуганный и довольно дикий.

Это было не особенно интересное зрелище. Но какое уж было; во всяком случае, весь мир ждал вестей о нем, и фотографы тут же занялись делом, и вот они уже щелкали фотоаппаратами: Родни рядом с гусями и с секретарем «Зеленого креста». Первые фотографии королевских гусей, сделанные в Америке!

Конечно, репортеры приготовились задавать вопросы, но Родни их предупредил:

— Джентльмены, я рассказал вам все. Я не клоун, и я не собираюсь заставлять этих перепуганных птиц разыгрывать спектакль здесь в отеле. Все, что я мог сделать для вас, я сделал. Следующее представление — на аукционе.

— Когда он состоится?

— Это зависит от новых владельцев гусей. Я бы предложил подождать дня три-четыре, чтобы все заинтересованные лица могли быть оповещены. Не так ли? — обратился он к аукционеру.

И тот сказал:

— Да.

— Еще один вопрос, мистер Синсебау. Я так понимаю, что у вас есть гусиные яйца.

— Да, у нас тринадцать яиц.

— Что вы намереваетесь с ними делать?

Бедный Родни! Его мозг лихорадочно работал, но недостаточно быстро для данного опасного мгновения.

— Мы поместим их в инкубатор.

Он осознал свою ошибку в тот момент, когда репортер задал следующий вопрос:

— Так у вас будут королевские гусята?

— Да, я полагаю, что так.

— За какой срок они выводятся?

— Около трех недель.

— Где вы тогда будете?

— Этого я не знаю.

— Вы будете возить инкубатор с собой?

— О нет, нет, нет! — закричал Родни в панике. — Я договорился с солидной гусиной фермой, там позаботятся о яйцах.

— Вы известите нас о дальнейшем?

— Да, конечно. Мы созовем конференцию. Тем временем эти джентльмены, — он указал на секретаря и аукционера, — подготовят все к продаже.

С этими словами Родни поклонился и, пятясь, вышел из комнаты. Он ретировался через запасной выход, отошел от отеля, убедился, что за ним не следят, и ринулся в гараж, где его терпеливо дожидалась Элизабет.

— Выпусти меня! Выпусти меня! — верещал Бобо.

А Глого приказывал:

— Сиди спокойно, малыш!

Бобр был чрезвычайно взбудоражен «пресс-конференцией». Он едва дождался, пока гномобиль выбрался из гаража и Элизабет смогла открыть крышку корзины.

— Репортеры пришли?.. Что делали гуси?.. А краска не облезла?

— Я думаю, теперь нас на три недели оставят в покое, — сказал Родни. — Никого не интересуют яйца, пока из них не вылупятся гусята.

Но несмотря на это, по некоторому размышлению, Родни предложил и дальше путешествовать инкогнито, только надо выбрать новые имена. Элизабет очень обрадовалась — это было похоже на игру. Родни сказал, что он теперь будет мистер Тимофеус Т. Петигрю из города Ошкот, штат Висконсин. Элизабет долго думала и решила наконец, что она будет называться Памела Петигрю.

Бобо, которому как-то объяснили, что слово «секвойя» индейского происхождения, решил, что его имя будет Индеец. Глого не интересовали все эти глупости, но Элизабет и Бобо решили, что они назовут его генерал Грант, потому что так называется одно дерево в Государственном парке. Они стали придумывать себе профессии. Родни решил, что они будут коллекционерами разных видов папоротника. Они могли и правда собрать небольшую

коллекцию. Зеленые листья будут высовываться из корзин, и тогда не получится почти никакого обмана. Элизабет тут же вошла в роль. Она захотела узнать, сколько видов папоротника есть на свете, и попросила Глого рассказать ей о своих беседах с этими древними растениями.

Путешественники выбрались из шумного города и миновали длинный мост над заливом. Вскоре гномобиль оказался опять на внутреннем шоссе. Было жарко даже после того, как солнце село. Они ехали дотемна и, поставив машину, направились к отелю. Из их корзин торчали листья папоротника. Родни и Элизабет зарегистрировались как Тимофеус Т. Петигрю из Ошкота, штат Висконсин, и Памела Петигрю, оттуда же. Они сообщили портье, что они ботаники и в корзинах у них сплошной папоротник. Поскольку папоротник был виден всем, их сразу провели в комнаты. Они заперлись, включили вентиляторы и легли спать. Репортеры и фотографы не преследовали их даже во сне.

Наутро вышли газеты с отчетами о пресс-конференции с речью Родни, полной достоинства и исполненной значения, с его портретом и с портретом королевских гусей. Один смысленый театральная деятель предложил свой театр под аукцион. Было объявлено, что в следующую пятницу состоится аукцион и королевские гуси станут собственностью того, кто предложит за них высшую цену, а выручка пойдет на нужды «Зеленого креста».

— А теперь в Йосемит! — сказал Родни.

Они опять поднялись в горы. Шоссе поворачивало то туда, то сюда и проходило по местам, где природа щедрой рукой сама насадила деревья. Они видели прославленные на весь мир пейзажи: глубокие горные ущелья и водопады, горные вершины, перспективой уходящие вдаль озера, реки, леса, большие и маленькие. Они несколько раз останавливались, весь день искали гномов, переночевали в горном кемпинге и опять ехали и искали еще и еще. Путешественники встречали медведей и оленей, очень много туристов, но они не видели гномов — их не было и следа. Глого огорчился все больше и больше, и, как он ни старался, он был очень тяжелым компаньоном.

Странное положение: Глого оплакивал будущее своего внука, и внук, добрый и любящий, тоже пытался его оплакивать в угоду дедушке, но не мог — Бобо, такой верный некогда племени гномов, все больше попадал под обаяние людей. Он пытался скрыть это от деда. Но ему нравились спелые маслины и мороженое, ему нравилось смотреть в окошко на едущие мимо машины, даже с риском, что его обнаружат. Ему было интересно, что пишут в газетах.

Когда в воскресенье утром он познакомился с результатами аукциона и узнал, что единственную в Америке пару королевских гусей купили за 2240 долларов, его много больше заинтересовал разговор о деньгах и о том, что можно приобрести на эту сумму, чем поиски невесты.

Вечером, когда все сидели на краю поляны за ужином, Глого сказал:

— Тут бесполезно искать. В Йосемите нет гномов.

— Но есть и другие заповедники и парки, — возразил ему Родни.

И опять возник один из тех споров, когда каждый старался быть более предупредительным, чем его собеседник. Глого говорил, что надо вернуться назад в красные леса и перестать злоупотреблять добротой друзей. А Родни возражал ему, утверждая, что это самое интересное приключение в его жизни. И что же станет с королевскими гусиными яйцами? Он до тех пор шутил с тысячелетним гномом, пока не заставил его рассмеяться. Наконец было решено покинуть Йосемит, отправиться на восток и посетить Зайон и парки Брайс-Каньона.

Друзья вернулись в отель, Родни набрал «междугородный», Элизабет рассказала маме, как она довольна поездкой, что она ни разу не промочила ноги, грозы бывали совсем малюсенькие, а землетрясений не встречалось вовсе.

На следующее утро путешественники покинули эту «раскаленную печку» — Калифорнию. Но в штате Невада было полно своих «печек». Тамошние горы представляют собой просто тоскливые, голые скалы, причудливой формы и странной окраски. Они были то розовые, то серые, то розоватосерые, то коричневые, то бурые.

Вдоль шоссе тянулась полоса бесплодной земли, на которой ничего не росло, кроме шалфея и диких бобов, и те уже побурели и высохли. Гномы никогда не видели такой страны. Даже никогда и не слышали о ней. Глого старался не глядеть в окно, не в силах быть свидетелем тех страданий, которые испытывали здешние, измученные жаждой растения. Ему не надо было выходить из машины и говорить с ними: он и так обо всем догадывался по их грустному виду, а для автомобилей воды по дороге было сколько угодно, и масла, и бензина.

И у людей было все, что им необходимо: бутерброды, пирожки, содовая вода, мороженое. Глого, наверное, очень бы скорбел, но последнее из названных человеческих открытий очаровывало его в этом пекле штата Невада и смягчало его страдания.

Шоссе дальше не было асфальтировано, а только засыпано гравием. Это означало, что дальше они катились в клубах пыли. Но пыль клубилась сзади: хорошо дрессированный гномобиль отшвыривал ее в морды другим своим собратьям. В этой части страны движение было невелико, и большинство пыли доставалось шалфею и диким бобам.

На дороге попадались выбоины, и гномам приходилось держаться за веревку. Бобо нравилось, что его подбрасывает, и Родни назвал его «молодым гномом на свободной трапеции».

Бобо и Элизабет изобретали разные игры, чтобы побороть скуку этих дальних дорог. Они заключали пари по поводу номеров идущих мимо машин. Им нечего было выигрывать, но они тем не менее очень держались за свои выигрыши. Родни покупал дорожные карты на заправочных станциях, и Бобо неутомимо их изучал вместе с ним. Он не умел читать, но заставлял Элизабет учить его. Он уже мог разбираться в линиях, обозначающих дороги, и просил Элизабет прочитывать ему названия городов и обозначения расстояний между ними. Он учился распознавать марки автомобилей и сорта бензина. Короче, он становился молодым современным американцем даже в мельчайших оттенках поведения, в своих представлениях и в языке. Если бы они и встретили гномов, он теперь бы презирал их как «отсталый элемент».

Путешественники считали, что они больше не услышат о королевских гусях. Но ничего подобного!

В газетах появилось сообщение о том, что гусей купил какой-то эстрадный актер, который торопился заработать на них, показывая их публике за деньги. Он нарядил смуглую девушку «абиссинской пастушкой», и она выводит гусей на сцену запряженными в разноцветные ленты и при этом сама танцует и поет смешные куплеты. Все это имеет огромный успех у публики.

Элизабет удивилась, как этому артисту удалось выдрессировать гусей в такой короткий срок. Родни высказал предположение, что, может быть, у него за сценой где-то спрятан провод и он руководит бедными птицами, ударяя их током.

Во всяком случае, было отрадно, что зеваки глазели теперь не на гномобиль и его пассажиров.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой гномобиль направляется на Восток

Друзья приехали в Юту, соседний штат, где было множество гор и где силы природы производили какие-то странные опыты: переворачивали горы вверх ногами, или ставили их набок, разрубали их на строительный камень, а потом ссыпали все это в кучу самым невообразимым образом, или раскалывали горы пополам, или прорубали в них арки. Вы могли там встретить такие подобию построек, которые обязательно приняли бы за Китайскую стену, и такие, которые показались бы вам древнеиндийскими храмами, и те, что непременно напомнили бы вам египетского сфинкса, а потом вам бы показалось, что целый квартал нью-йоркских небоскребов вот-вот рухнет и превратится в руины. Вы бы увидели стадо слонов, тесно прижавшихся друг к другу, потом целый автомобильный эскорт, переходящий затем в горизонт, и вскоре — висячие сады царя Навуходоносора. Вы попали бы в такие места, где вам показалось бы, что туда в свое время явился великан с острым мечом, и снес все горные вершины, и сделал их не острыми, а плоскими и гладкими, и вам показалось бы, что там зелено и уютно и хорошо бы устроить пикник, только уж очень далеко добираться. А проехав немного дальше, вы решили бы, что туда приходил другой великан, с красками, такими, какие были у Элизабет и стоили десять центов. Он обмакнул свою кисточку в яркорозовую краску и положил мазки на горные щеки, а вершины выкрасил светло-желтым — в точности как королевских гусей. Потом он нанес на горные склоны красные и зеленые пятна — для оживления пейзажа, а некоторые самые высокие вершины выкрасил белилами, и они сверкали белизной. Может, это был снег, а может, белый мрамор, неизвестно. А еще подальше великаны попробовали, как будет выглядеть иная комбинация красок, и наложили белые и зеленые мазки на низкие холмы, а красные и серые — на стоящие за ними высокие горы, а иногда это были коричневые холмы, и сзади — зеленые горы. Время от времени огромные утесы выскакивали навстречу гномобилю, стараясь преградить ему дорогу, и дороге приходилось то срезать кусок горы, то проскакивать прямо через нее.

Глого и Бобо очень волновались, потому что не привыкли врезаться головой прямо в гору со скоростью восемьдесят километров в час. Но дорога всегда кидалась вперед первой и все устраивала сама. Это повторялось неизменно, случалось ли то днем или ночью — все равно.

Гномобиль добрался до Брайс-Каньона, а потом до Зайон-Парка. Путешественники погрузились в тамошние леса и добросовестно все обыскали — как всегда, напрасно.

И опять Глого впал в тоску, а Родни попытался применить свое обычное лекарство от мировой скорби:

— Но ты не видел еще Колорадо, Глого!

И он пропел такой гимн колорадским горам и лесам, точно он был самой колорадской торговой палатой или рекламным агентом железнодорожной линии Денвер — Рио-Гранде. Родни и правда остановил гномобиль у какого-то железнодорожного вокзала, зашел туда и купил в киоске брошюрку, откуда он почерпнул, что «Колорадо» значит «красный» и что одна ступенька местного капитолия находится как раз на высоте полутора километров от уровня моря. Бобо, как истинный турист, был заморожен этими сведениями, а Глого, поняв это, сдержал свою скорбь и сказал только:

— Да, да. Хорошо. Продолжай.

Друзья ехали все на восток и вдруг неожиданно добрались до Колорадо. В национальном парке Скалистых гор они снова произвели разведку. Родни сказал, что среди этих скал полно окаменевшей коры и листьев тех деревьев, которые росли и цвели сорок миллионов лет назад. Может быть, они обнаружат там также и кости древних гномов. Но это предположение нисколько не ободрило Глого. Он ответил, что вовсе не ищет окаменевших гномов, ему нужна только одна живая маленькая ледигном, чтобы женить на ней своего внука.

Ну, что можно было сделать? Они проехали через все горные районы Запада, но удача ни разу им не улыбнулась. Если они вернутся назад, это будет означать полное поражение перед черными силами мировой скорби. Глого забрался в корзинку, улегся на подушку, и даже мороженое не могло его соблазнить.

Родни и Элизабет сговорились друг с другом заранее и на расширенном заседании с гномами принялись расхваливать чудеса штатов Миннесота и Висконсин: никаких гор, красивые озера, девственные леса на севере этих штатов, где могли обнаружиться огромные племена гномов. Дорога была длинной, ехать предстояло по жаре, но Родни обещал покрыть весь путь за пару дней, а Глого может пока полежать в корзине и побеседовать с мотором.

Глого сказал:

— Я слушал его долго. Мне кажется, что он не вполне счастлив. Это может оказаться началом мировой скорби.

— Боже мой, я не знал, что она заразительна!

Но в ближайшем городе Родни пригласил механика, и выяснилось, что человек, который заправлял машину маслом, не завернул гайку трансмиссии и масло чуть все не вытекло. Родни сказал, что Глого будет теперь не генерал Гранд, а Лорд-Первый-Начальник-Определитель-Беды, и еще он сказал, что гном на заднем сиденье машины скоро станет принадлежностью стандартного оборудования автомобилей в Америке.

Друзья отправились дальше.

«Миннесота или крах» было их девизом.

— Звезда гномперии гномператор Глого направляется на Восток, шутил Родни.

Он все дурачился, задавал Глого то шуточные, то серьезные вопросы, заставляя его все время говорить, чтобы отвлечь его от грустных размышлений. Ночами в отеле Родни записывал то, что слышал от Глого. Он собирался написать книгу о гномах.

Родни позвонил маме и сказал, что они собираются на Восток. Конечно, мама пришла в ужас. Зачем было везти Элизабет на Запад, чтобы теперь ехать прямо в противоположную сторону! На это Родни ответил: «Для того и повез на Запад, чтобы появилась возможность поехать на Восток. Иначе как же можно попасть на Восток, если перед этим не поедешь на Запад!» Элизабет сказала, что она первый раз в жизни учится с удовольствием, но мама относилась с сомнением ко всякому учению с удовольствием. Мама сама проводила время неплохо, и поэтому она сказала Элизабет: «Хорошо, поезжай» — и не велела говорить «законно», потому что это ужасно и потому что так говорят гангстеры в кино. Но Элизабет сказала, что они ни разу не пошли в кино на гангстерский фильм, потому что им было гораздо интереснее беседовать с профессором Глого. Мама решила, что культура ее дочери в самом деле повышается.

Наутро путешественники двинулись дальше в путь, окрыленные надеждой на успех в Миннесоте. Родни воспользовался случаем и прочитал стихи, посвященные Бобо. Родни часто писал стихи, но редко их печатал. Он говорил, что они слишком понятные, а теперь никто не держит за поэзию стихи, если их каждый может понять. Элизабет никак не могла в этом разобраться, и он пояснил: поэтам так хотелось быть непохожими на тот мир, в котором они живут, что они сделались непохожими даже на самих себя и совсем перестали понимать самих себя и друг друга. Во всяком случае, вот стихи о Бобо:

Я знаю лес. Он как дивный храм.

Там солнце, и птичий хорал по утрам,

И купол синий, как чаша вверх дном.

Живет в том лесу одинокий гном.

Стала жизнь его печальной с тех пор,

Как в лесу объявился жестокий топор.

Валит наземь лес в дикой злобе темной,

Одинокий гном стал теперь бездомный.

Жизнь еще длинна — лет, наверно, с тыщу,

И нужна б жена, только где он сыщет!

Больше гномов нет. Нет у гнома дома.

Помоги, поэт, молодому гному!

Громкий голос твой пусть людей разбудит.

Там, где мхи и тишь, поищите, люди,

Гному одному

Верную жену!

Элизабет захлопала в ладоши и сказала, что не бывает стихов лучше этих. Родни объяснил, что эти стихи, кроме того, имеют практический смысл. Он растолковал Глого, что обыкновенный человек не разгадает их секрета по этим стихам, а только подумает, что это

чепуха, и все, а настоящие любители леса поймут и, возможно, будут тоже искать гномов. А может, кто-нибудь уже нашел гномов и прячет их, как Элизабет и Родни.

Глого сказал, что стихи можно напечатать, хотя лично он не ждет от них ничего хорошего, потому что не верит, что среди людей обнаружится много любителей леса. Иначе зачем бы они срубали деревья и превращали их в деревянные коробки для жилья? В крайнем случае, если им так уж полюбились эти коробки, почему бы тут же не посадить новое дерево на место срубленного?

Потом Родни и Глого имели продолжительную беседу на тему о так называемой консервации. Родни сказал, что есть на свете такие страны, которые заботятся о своих лесах. Там не разрешается спиливать дерево, пока оно не достигнет определенных размеров, и требуется сразу же посадить новое на его место. Лесная промышленность не должна основываться просто на слепой жадности, иначе она и сама себя изживет и попутно разрушит очень многое на свете. Родни высказал надежду, что в Америке тоже произойдут изменения, но Глого считал, что слишком поздно, что на горах и холмах плодородную почву уже размыло и ее нельзя туда вернуть, как нельзя вернуть к жизни исчезнувших гномов. Глого забрался в корзинку. На этот раз у него был особенно острый приступ мировой скорби.

Они выбрались из горной цепи. На лугах пасся скот, а дорога спускалась постепенно, так что от этого спуска уши не ломало и не закладывало. Они выехали к реке с песчаным руслом, и дорога пошла вдоль берега. Глого пригляделся к цвету воды в реке.

— Посмотрите! — воскликнул он. — Река желтая-желтая!

Ему казалось ужасным, что реке разрешается иметь такой цвет и никто даже не обращает на ее цвет никакого внимания! Это значит, что весь мир идет к гибели. Ведь эта грязь, или муть, или называй как хочешь — это ведь тот материал, из которого возникает жизнь, и вот этот ценный материал уносится рекой в океан, где он больше никогда и никому не понадобится.

Дальше дорога пролегла через распаханное поле, на которых зеленели молодые побеги пшеницы. Родни объяснял, как выращивают пшеницу и что из нее делают. Глого сказал, что землю можно пахать только тогда, когда она лежит плоско, а склоны никто не имеет права засеивать, потому что на них должны расти деревья, чтобы удержать почву. Родни удивился, как это Глого сумел разработать свою теорию «консервации» совершенно самостоятельно, но старый гном сказал, что все гномы про это давно знают и что только американцы, ослепленные жадностью к деньгам, могут не принимать это в расчет.

Им попадались навстречу различные дорожные знаки, и Родни объяснил, что это шоссе имени Линкольна, и рассказал о Линкольне, о том, как он боролся за освобождение негров-рабов. Это все равно что ходить в школу, когда слушаешь того, кто прочел так много книг. Ни Глого, ни Бобо ничего не слышали о людях с черной кожей. Они увидели одного из окошка и уставились на него, а он уставился на них, думая, что его заколдовали ведьмы.

Разное встречалось им на пути, и гномы хотели, чтобы им все было объяснено. Целый караван легковых машин перегоняли в Калифорнию на продажу. Некоторые машины были погружены на большие платформы, иногда сразу по три штуки. Старая телега тащилась по дороге. На нее был навален бедняцкий скарб, и дети, и куры, а иногда и коза в наскоро сколоченном из досок и поставленном на телегу передвижном загончике. Молодая леди загорала на ходу, свесив ноги из окошка машины. Старый фермер ехал в город по своим делам. Он неподвижно сидел за рулем, а старая фермерша, сидя на заднем сиденье, чтоб не терять времени даром, стригла ему волосы. Все эти забавные сценки служили им темой для веселых бесед. Но встречалось и такое, о чем трудно было говорить с гномами. Например, они видели седых стариков, едва тащившихся вдоль дороги с тяжелой поклажей. Родни было стыдно признаваться гномам, что в жизни людей не все хорошо устроено, что есть миллионы

безработных, не ждущих ничего и бредущих в никуда.

На дорогах стали попадаться юноши и девушки, которые голосовали, поднимая большой палец. И Родни придумал объяснение, что это такой обычай приветствовать путников и желать им всего хорошего. Бобо очень нравился этот обычай, и он сам бы так приветствовал встречных, если бы ему не было велено сидеть тихо. Ехали по штату Небраска. Распаханных и засеянных полей попадалось все больше и больше. Осимые всходы быстро росли и зеленели.

— Это пшеничный пояс, — сказал Родни.

Стали встречаться фермы: маленький дом, большой амбар, силосная яма и несколько деревьев.

Когда друзья, запасшись провизией, сели ужинать под деревом у обочины и успели уже почти насытиться, Элизабет заметила огромную черную тучу, которая заволокла весь горизонт. Но это не была грозовая туча, не было молнии и не громыхало; она не меняла формы и быстро опускалась к земле.

Родни вскоре спросил на заправочной, что это такое, и заправщик сказал:

— Да одна из них, этих пылюг. Сюда идет.

Элизабет слышала раньше о пыльных бурях. Это ужасное бедствие, которое в последнее время стало преследовать Америку. Пыль заполняет воздушное пространство, делается темно как ночью, машины останавливаются на шоссе, а люди теряют дорогу в пыльном бурене. Дома наполняются пылью. Некоторые люди даже умирают от «пыльной пневмонии», которую вызывает забившая легкие пыль.

— Ну вот! — воскликнул Глого. — Что еще надо большим людям, чтобы понять, какое это зло — разрушать леса!

Родни сказал, что на этот раз леса ни при чем. Дело в том, что луга, где росла великолепная трава, не сберегли для пастбищ, а распахали под пшеницу, хотя в стране ее и так выращивается больше, чем люди могут съесть или, точнее, чем люди могут купить.

— Вот опять, — сказал Глого, — деньги, деньги, все эти деньги, которые окончательно сведут с ума американцев. — Он совсем потерял надежду, улегся в корзину, и ему было все равно, умрет он от мировой скорби или от болезни, которая называется еще длиннее — «пыльная пневмония».

Родни сказал, что он не собирается умирать и не желает, чтобы его застигла «пылюга». Гномобиль мог мчаться быстрее всякого ветра, кроме ураганного, конечно. Родни хорошо заправил гномобиль, и они промчались по штату Небраска со скоростью два километра в минуту. Ведь гномобиль может мчаться как ветер, если он, конечно, не ураганный. Черная туча оставалась на горизонте, но не приближалась, и в воздухе больше не пахло пылью.

Постепенно наступил вечер, все вокруг стало таинственным, ничего не было видно, кроме дороги впереди, на которую гномобиль выстреливал свой свет. Родни поставил ветровое стекло наклонно, и в гномобиле задул бриз — их собственный, который они сами для себя устроили. Гномы устали и забрались в корзинки. Элизабет тоже устала, взяла подушку и уснула на заднем сиденье. Но Родни продолжал сидеть за рулем и думал о чем-то своем. Он хорошо водил машину и не уставал. Поэтому он выиграл состязание с «пылюгой».

Когда Элизабет открыла глаза, машина была уже в гараже. Родни сказал, что он справлялся по телефону — пыльная туча была далеко и не могла их настигнуть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой появляются гусята

На следующий день путешественники достигли штата Айова и немного оживились, даже Глого, хотя он, возможно, только прикидывался ради хороших манер. Это была «хлебница» Америки, как сказал Родни, а также «блюдо с хлебом и салом». На многих фермах паслись огромные черные свиньи. Родни сказал, что каждый житель штата Айова должен вырастить пятьдесят тысяч свиней, только тогда ему разрешат переехать в Калифорнию. Бобо хотел знать, куда деваются выращенные свиньи, и Родни сказал, что другие люди их съедают. Бобо спросил, а что фермеры получают за них, и Родни сказал:

— Налоги.

Все, что относилось к деньгам, Глого считал только глупостью всех больших людей, взятых вместе.

Они повернули к северу, сделалось прохладно, и гномам стало легче дышать.

Бобо бегал от окошка к окошку, любуясь новыми видами. Ему никогда не надоедало смотреть в окошко. С каждым днем мир казался ему больше и больше, а люди — все удивительнее. Бедный старый Глого как-то совсем выпадал из игры. Он залезал в корзинку и молча мучился, а Элизабет и Бобо все время болтали и шутили. Они придумали считать коров: кто больше насчитает — Элизабет слева или Бобо справа. Когда по пути попадалось большое стадо, гномобиль сбавлял скорость, потому что они не хотели пропустить ни одной коровы.

Почти во все время путешествия было солнечно, даже чуть больше, чем нужно. Но вдруг небо затянуло тучами, начался дождь. Гномобиль по мокрому асфальту двигался медленнее, чем обычно, дождь стекал по стеклам, доставляя Бобо бесконечное удовольствие. Великолепно — быть рядом с дождем и не мокнуть. Это была нерешенная проблема для гномов в лесу: уж коли мокро, то и ты промокнешь и будешь мокрым, пока не высохнешь. Даже Глого должен был признать, что приятнее самому быть сухим во время дождя.

А маленькая волшебная пластиночка, которая называется «дворник» и все время вытирает стекло перед глазами у Родни! А как «дворник» узнает, что начался дождь? Он чувствует сырость или Родни сообщает ему? Дождь стекал по стеклу сплошной непрозрачной стеной, но «дворник» не приходил в отчаяние, только работал все быстрее и быстрее, сбрасывая воду то с левой, то с правой стороны ветрового стекла. А дождь все лил и лил, и вот уже дорога покрылась водой, и Родни пришлось вести гномобиль еще медленнее. Поля, тянувшиеся вдоль шоссе, покрылись озерами желтой неподвижной воды.

Впереди стояло много машин, запрудив дорогу, возле машин двигались какие-то фигурки. Оказалось, что река смыла мост, а вода все прибывает и прибывает. Людей с ферм пришлось вывозить в лодках. Родни вынужден был развернуться и выбраться назад, на асфальт. Глого все накручивал и накручивал себя против людей и чуть не плакал оттого, что люди развеивают пыльные бури, жару и наводнения и спасаются только электрическими вентиляторами, мороженым и ветром, которые сами себе добывают, опуская ветровое стекло.

Они вернулись на несколько миль назад и поехали другой дорогой. Там мост над беснующейся водой был еще цел, но ему угрожал красный развороченный амбар, часть которого навалилась на перила, а другая наплывала на него по воде. Родни было стыдно перед старым гномом за такие картины. Он должен был признать, что люди часто плохо справляются со своими делами. Он был счастлив, когда они наконец выбрались из долины и достигли северного района этого штата, который не был окончательно загублен жадностью лесопромышленников. Там росли настоящие леса. После дождя воцарилась божественная прохлада, и каждый даже крошечный листочек папоротника сверкал и ронял бриллианты, и мягкий пар вставал из зеленой бархатной лесной земли.

Тут опять можно было ожидать встречи с гномами. Все вышли из машины и возобновили поиски. Деревья здесь не были велики, как в Калифорнии, но, в общем, это были хорошие ребята. Здесь жили лесные сумерки и великолепно пахло, и ветер пел над головами, и рос зеленый папоротник и цветы — словом, тут было все, что так дорого сердцу гнома. Бобо и Глого рыскали как ищейки и обнюхивали все, но не находили следов своих соплеменников.

Дальше друзья направились к Голубиной Реке и ближайшие дни прочесывали тамошние девственные, не тронутые человеком леса, но все впустую.

— Пожалуй, я ошибся, — взвалил Родни всю вину на себя. — Я упустил из виду, что зима тут слишком сурова.

И Родни попросил дать ему возможность исправиться, предложив посетить Арканзас. Ему очень хотелось, чтобы попытка вылечить мировую скорбь не провалилась бы окончательно.

Глого дошел до такого состояния, что перестал спорить. «Ладно, как хотят его большие друзья, так пусть и поступают, ему в любом месте плохо.

А Бобо, как раз наоборот, считал, что любая часть Америки интересна, особенно неизведанная.

Они взяли курс на юг и вскоре достигли реки Миссисипи. Это название никак не давалось гномам, к тому же Глого угнетала ее мутная вода. Она потеряла свою прозрачность от земли, уносимой рекой туда, где земля уже больше не сможет служить ни людям, ни гномам. По берегам реки были расположены города.

И вот однажды утром в городе Миссури случилось нечто, что опрокинуло все их планы.

Выполняя данное маме Элизабет обещание, Родни вел машину очень осторожно. Но не в его силах было остановить пьяного, который рванулся на красный свет и врезался в гномобиль со всего маху. У гномобилia погнулась задняя ось и помялось крыло. Гномы были в корзинах; они ударились о края, перепугались, но не ушиблись. Гномобиль тоже получил не очень серьезные повреждения.

— Его надо показать врачу, и он тут же оправится, — сказал Родни.

Настоящая опасность возникла в следующую минуту, когда постовой полицейский, протиснувшись сквозь толпу, велел «дыхнуть» тому, кто наскочил на Родни, а потом стал грозить ему тюрьмой за вождение автомобиля в пьяном виде. Он вынужден был записать номер гномобилia и спросить у Родни его адрес и фамилию. Вдруг он что-то вспомнил и уставился на молодого человека.

— Синсебау? Синсебау? Где-то я слышал эту фамилию.

— Это не очень распространенная фамилия, — сказал Родни с виноватым чувством фальсификатора чеков или грабителя банков.

— Но мне кажется, что я что-то читал в газетах о Родни Синсебау. А, знаю, королевские гуси! Это не у вас были королевские гуси?

Родни признал это, потому что не был знаком с законами штата Миссури и понятия не имел, сколько полагается тюрьмы тому, кто надует полицейского.

— Да, — сказал постовой. — Я рад познакомиться с вами, сэр. Это было интересно. Но жаль гусей.

— То, что они пошли на сцену?

— Нет, то, что они погибли.

— Неужели?

— Вы не читали в газетах?

— Нет, я пропустил сообщение.

— В театре случился пожар, и они сгорели.

— О боже! Какой ужас! А я столько времени потратил на их обучение!

— Но вроде у вас есть гусиные яйца?

— Да.

— Все разыскивают вас и хотят знать, что стало с яйцами.

— Да ну! — воскликнул Родни, чувствуя себя фальсификатором чеков и банковским грабителем, которому вот-вот наденут наручники.

— Где же яйца, мистер Синсебау?

— В надежном месте.

— Уже пора вылупляться гусятам?

— Да, как будто бы.

— И у вас будут королевские гусята?

— Я надеюсь.

— Эти птицы, должно быть, стоят хорошую денежку. Берегите их.

Собравшаяся толпа прислушивалась к беседе, начиная понимать, что случилось нечто более важное, чем столкновение двух автомобилей. Средний американец читает о мировых событиях в газетах, но он может провести всю жизнь, не встретив ни одной живой знаменитости, но если уж встретит, им овладевает непреодолимое желание познакомиться. Каждый человек в толпе сознавал, что, если он пожмет руку Родни, ему будет что рассказать тем, кого он встретит в течение многих последующих недель. «Да, я знаком с ним, и он мне сказал...»

Бедный потомок лесопромышленника, робкий, очень разборчивый во вкусах, стоял пойманный, потому что гномобиль был искалечен и его надо было оттащить с дороги. Пришлось стоять и стеречь его. Наконец приехал тягач и отвез гномобиль в «больницу». После этого Родни и его племянница вынуждены были снять номер в отеле и переждать там,

пока «хирург» не произведет операцию.

Конечно, Родни записал вымышленные имена: «Тимофеус Т. Петигрю» и «Памела Петигрю», но на этот раз у него не было большой надежды, что «инкогнито» сработает. Он знал, что полицейский все расскажет в участке, а репортеры всегда держат связь с полицией. Репортеру будет легко выпросить, куда отвезли гномобиль. Если он к тому же узнает, что у его пассажиров были две большие корзины, он легко отыщет отель, где Родни и Элизабет попытались найти убежище. Родни уже знал, что отели всегда на стороне репортеров. Поэтому он несколько не удивился, когда зазвонил телефон и вежливый голос спросил:

— Это мистер Синсебау?

— Вы ошибаетесь, — сказал Родни.

— Тогда это мистер Петигрю?

— Да, это мистер Петигрю.

— Так, мистер Петибату, простите, мистер Синсегрю, я репортер «Вечернего Фью-уик», нашей местной газеты. Я хотел бы спросить у вас насчет королевских гусят.

— Я сожалею, — сказал Родни, — но мне слишком жарко.

— Слишком жарко, мистер Петибату?

— Да, фьюжасно жарко.

— Ах да, я понимаю, ха-ха-ха! Но право же, мистер Синсегусь, вы не можете себе представить, как весь мир беспокоится о королевских гусятах! Все газеты в стране разыскивают вас. Скажите мне, пожалуйста, вылупились гусята?

— Гусятам тоже фьюжасно жарко.

— Они у вас в этих корзинках, мистер Синсегрю?

— У меня папоротник в корзинках.

— Но, пожалуйста, мистер Петибату, скажите: у вас там гусята сидят на папоротнике?

— Я сожалею, но мне некогда с вами разговаривать. Сочините сами.

— Но, право же, мистер Синсебау...

— Вы сделаете это лучше, чем я, у вас практика.

— Вы это серьезно?

— Какая вам разница?

Родни повесил трубку, а Элизабет с Бобо от хохота фьюкали, пытаясь себе представить, что репортер сочинит о них. Бобо очень нравились названия газет: сначала «Пшик-нюс», потом «Вжик-рипорт», потом «Фьюуик».

Было обеденное время. Родни сказал, что история появится в газетах через несколько часов, а потом надо будет срочно выбираться из города. Он направился навестить гномобиль в «больницу», чтобы узнать, как прошла «хирургическая» операция, и вернулся мрачный. Повреждения оказались более опасными, чем он ожидал, пришлось послать в соседний город за новой задней осью. Гномобиль будет в порядке только к вечеру.

— Если у нас случится столкновение с фотографами, я уже присмотрел толстяка в вестибюле, — заметил Родни.

Он принес с собой немного еды — не могли же они идти с гномами в ресторан! Все пообедали. Не успели они кончить обед, как зазвонил телефон, корреспондент агентства печати хотел узнать имена тринадцати абиссинских гусят. Родни сказал:

— Хорошо. У вас есть ручка? — И начал диктовать: — Альфа, Бета, Гамма, Дельта, Эпсилон, Зета, Эта, Тета — я забыл следующую букву, но вы возьмите в библиотеке греческую грамматику, — Каппа, Лямбда, Ми, Нью, Омикрон... Это буквы греческого алфавита, его первые буквы и составляют наше слово «алфавит».

— Но получилось уже четырнадцать, мистер Синсебау.

— Ну, тогда, значит, нет никакого Омикрона. Репортер хотел узнать, прорезались ли у гуся зубки, но Родни заявил, что один репортер уже работает над этой проблемой, а если ее будут разрабатывать двое, они могут не прийти к взаимному соглашению.

Родни бросил трубку, попросил на станции отключить телефон и повесил на дверь табличку: «Прошу не беспокоить».

Через пару часов Родни спустился за газетами. Там он нашел одну из тех фантастических историй, которые развлекали всю страну. Репортер рассказывал об эксцентричном молодом миллионере, который вмонтировал инкубатор в заднее сиденье своего дорогого автомобиля и высидел тринадцать королевских гусят во время путешествия по Соединенным Штатам. Гусята сидят в корзинках, выстланных папоротником, сорванным высоко в горах. У этих крошечных существ такие же розовые щечки и золотые короны, какие были у их покойных, горько оплакиваемых родителей. Они уже умеют махать хвостиками и отвечать на вопросы. Вскоре знаменитый хирург прооперирует им языки так, чтобы они могли научиться разговаривать. Потомок магната оценивает их по две тысячи долларов за пару. Он говорит, что передаст их «Зеленому кресту», когда они пройдут курс обучения.

После того как Элизабет и Бобо вдоволь посмеялись, надо было переходить к решению серьезной проблемы: как удрать от репортеров. У них был номер машины штата Вашингтон. Здесь их опознает любой, и у них не будет ни минуты покоя ни в одном отеле. Элизабет предложила поехать в деревню, купить тринадцать гусят, раскрасить их и снова устроить аукцион.

Глого сказал, что он не может причинять столько беспокойства своим друзьям и вводить их в новые расходы. Он просился обратно в красные леса. Но Родни сказал, что глупости, что он никогда в жизни так не веселился, а газеты он просто разыгрывает. Бобо и Элизабет шумно с ним согласились, тысячетелный старик удалился в свою корзинку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

где гнегодяи гнастигают гномов

Был самый разгар обсуждения планов относительно поездки к горам Озарк, когда в дверь постучали. Бобо прыгнул в свою корзинку. Элизабет накрыла обе корзинки, а Родни подошел

к двери, но не отпер ее.

— Кто там? — спросил он.

— Мне нужно видеть мистера Петигрю, — сказал мужской голос.

— Разве вы не заметили на двери табличку «Прошу не беспокоить»?

— Но у меня срочное дело, мистер Петигрю.

— Что вам надо?

— Позвольте, пожалуйста, с вами поговорить.

— О чем вы собираетесь со мной говорить?

— Я хочу купить абиссинских королевских гусят.

— Они не продаются.

— Я заплачу вам хорошую цену, мистер Петигрю.

— Я в этом не заинтересован.

— Я тут же выпишу вам чек или вручу вам всю сумму наличными.

— У меня нет гусят для продажи.

— Я прибавлю цену, мистер Петигрю.

— Я вам уже сказал, что ваши предложения меня не интересуют.

— С вами говорит хозяин крупнейшего в стране цирка; нехорошо прогонять меня, даже не выслушав.

— Я уже объяснил вам: я в этом не заинтересован. Уходите, пожалуйста, и перестаньте стучать в мою дверь.

Воцарилась тишина. Через некоторое время Родни на цыпочках вышел в соседнюю комнату, осторожно приоткрыл дверь и заглянул в коридор, чтобы убедиться, что в коридоре никто не подслушивает. Возобновилось обсуждение того, как им отделаться от репортеров и прочих преследователей. Родни сказал, что ему надо пойти достать денег, без которых в мире людей трудно избежать неприятностей. Он попросил Элизабет постеречь гномов и ни в коем случае не открывать ни одной двери и поспешил вниз.

Элизабет и Бобо никогда не скучали, когда оставались вдвоем. Бобо задавал столько вопросов, что Элизабет сама узнавала массу полезного, пока находила нужный ответ. Теперь ему хотелось узнать все насчет циркачей: какие люди этим занимаются, и что они показывают, и где; зарабатывают ли они этим деньги и много ли? Элизабет было нелегко отвечать на такие вопросы.

Родни вернулся с деньгами. Они все вместе поужинали и немножко поиграли. Потом Родни пошел посмотреть, как продвигается ремонт гномобиля. Уходя, он снова предупредил Элизабет, чтобы она никому не открывала и не оставляла гномов одних.

Прошло несколько минут после его ухода. Элизабет и Бобо играли в карты, когда зазвонил телефон. Элизабет подняла трубку и вдруг издала крик ужаса и побледнела. В трубке незнакомый мужской голос произнес:

— Твоего дядю Родни только что сбила машина. Быстро спускайся.

— Где? Где? — закричала Элизабет.

— На главной улице. На углу. Двумя кварталами восточнее отеля. Беги быстрее!

Элизабет выронила трубку. Она чуть не потеряла сознание от горя.

— О Бобо, Глого! Родни сбила машина! Может быть, он уже умер!

— Можно, мы с тобой? — крикнул Бобо.

Но Элизабет сказала:

— Нет, нет, вам нельзя выходить на улицу. Подождите здесь, я вернусь.

Даже не надев шляпу, она ринулась вон из комнаты, хлопнув дверью.

У нее не было сил дождаться лифта. Она промчалась вниз по лестнице и через холл выскочила на улицу.

— Где главная улица? — спросила она первого попавшегося прохожего.

Элизабет неслась по улице, всхлипывая, задыхаясь от слез, вне себя от ужаса. Она пробежала два квартала, потом остановилась и огляделась. Она думала, что увидит толпу, но толпы не было видно и не было заметно никаких следов происшествия ни на одном из четырех углов. Она поглядела направо, налево и, ничего не понимая, бросилась к газетному киоску.

— Где мой дядя? — закричала она, обращаясь к киоскеру. — Его сбило машиной!

— Где? — спросил тот.

— Здесь на углу — так мне сказали.

— Тут никого не сбивали. Я уже давно здесь.

— Но мне сказали, что на главной улице, на углу, двумя кварталами восточнее отеля «Путешественник».

— Место как раз это. Только тут никого не сбивали. Кто тебе сказал?

— Кто-то позвонил. Это где-то тут, о боже мой! — Вдруг Элизабет закричала: — Родни! Родни! — и побежала изо всех сил.

Ее дядя шагал по улице и выглядел вполне здоровым. Он обернулся на ее крик:

— О Родни, Родни, тебе больно?

— Больно?! — Он был озадачен.

— Мне сказали, что тебя сбила машина!

— Меня? Кто тебе сказал? — В голосе Родни послышались тревожные нотки.

— Кто-то позвонил.

— Кто?

— Я не знаю, какой-то мужчина.

— И ты оставила гномов одних?!

— Что же мне было делать, Родни? Они велели мне бежать к тебе.

— Идем! — закричал Родни, и он помчался со всех ног, даже не дожидаясь Элизабет.

Элизабет бежала следом, но Родни намного ее обогнал и оказался уже в номере, когда она туда добежала.

По его лицу она сразу же поняла, что случилось что-то ужасное, и у нее замерло сердце.

— Их нет! — сказал Родни.

— О! — Элизабет стала звать гномов: — Бобо! Глого!

— Бесполезно, — сказал Родни. — Я уже обыскал весь номер. Их здесь нет.

— Родни, куда же они девались?

— Их украли. Разве ты не понимаешь, что все было подстроено, чтобы выманить тебя из комнаты.

Элизабет закрыла лицо руками и зарыдала. Родни притворил дверь, а Элизабет бросилась на постель. Она задыхалась от слез. Сердце ее разрывалось от отчаяния.

— Бобо! Глого!

Она все звала их и звала, не веря, что ее маленьких друзей нет в комнате. Но Родни сказал, что их точно нет. Корзинки на месте, а гномов украли.

Девочка села на кровати. Слезы текли у нее из глаз.

— Родни, мы должны их найти! Давай сообщим в полицию!

— Нет, этого делать нельзя.

— Почему?

— Неужели ты сама не понимаешь? Разве мы можем сказать в полиции, что у нас было два гнома в машине?

— А почему бы нет?

— Они подумают, что это дурацкий розыгрыш. Никто в наше время не верит в гномов.

— Ты думаешь... думаешь, мы их совсем потеряли?

— Нет, не думаю. Я считаю, что мы сможем их найти, но без полиции. У того, кто их стащил, наверняка есть машина, и она сейчас подъезжает к другому городу.

— Но, Родни, они умрут! Как это ужасно! Как жестоко!

— Нет, милая, о них позаботятся, ты не беспокойся.

— Откуда ты знаешь?

— Они слишком дорого стоят.

— Зачем они этим людям?

— Показывать за деньги. Гусята стоили тысячу долларов, гномов оценят в миллион. Поэтому-то они и станут их беречь.

— Но, Родни, как они будут жить без нас?

Элизабет снова заплакала, но Родни сказал, что слезы не помогут, а лучше сохранять хладнокровие и придумать, как выручить их маленьких друзей.

— Ясно, что произошло. Этот тип из цирка хотел купить гусят. Когда у него ничего не получилось, он решил их украсть сам или нанял когонибудь с этой целью. Несомненно, вор принес с собой чемодан или ящик. И у него была отмычка. И конечно, когда он увидел гномов, он понял сразу, что они стоят еще дороже гусят.

— О Родни, как, наверно, им, бедняжечкам, страшно!

— Не думаю. Глого очень спокойный и усталый. Он ни на что не обращает внимания. А Бобо уже немножко научился ориентироваться. Этот вор скоро даст гномам понять, что он не причинит им зла.

Элизабет опять принялась плакать и корить себя за глупость. Но Родни сказал, что это была хитрая ловушка и даже более опытный человек обязательно бы в нее попался.

Элизабет казалось, что они поступают неправильно по отношению к своим маленьким друзьям: чего они добиваются тем, что сидят в гостинице сложа руки? Но Родни сказал, что, если они будут бить тревогу, преступники, вероятно, услышат об этом и постараются скорее увезти гномов, может быть, даже за границу. А если они некоторое время будут вести себя осмотрительно, то воры могут решить, что маленькие существа не особенно им и нужны. И подумают, что дело может обойтись без скандала.

Родни говорил со своей маленькой племянницей и советовался с ней, точно она была совсем взрослым человеком. Он поступал так, чтобы немного ее успокоить и отвлечь. В действительности ему тоже было очень грустно и пусто без Бобо и Глого. И номер в гостинице казался уже не таким, и гномобиль будет не таким без маленьких человечков. Но он ради Элизабет все время болтал и даже шутил. Он утверждал, что давно знал о ворах-негодях, но вот гнегодяев, которые угоняют гномов, встречает впервые.

Чтобы отыскать гномов, вероятно, было бы разумно нанять частного детектива, то есть сыщика. Скорее всего цирковой предприниматель стащил гномов. Надо бы узнать, где он останавливался в городе. Необходимо было выяснить его фамилию и спросить, назвал ли он себя в их отеле и не подкупил ли он прислугу. На все эти вопросы сумел бы найти ответ частный детектив. Вряд ли этот человек будет долго прятать гномов. Ведь они ему нужны исключительно как средство заработать деньги, а заработать он может только показывая их. Таким образом, сообщение о представлениях рано или поздно попадет в газеты. Если он объявит их гномами, то это произведет сенсацию, и все газеты только об этом и будут кричать. Возможно, он выдаст их за карликов. Но никто на свете не видал еще таких маленьких карликов. Так что без газетной шумихи он все равно не обойдется.

Элизабет согласилась с Родни, что все это логично, и Родни позвонил в контору частного сыска города Сан-Луи и попросил начальника, чтобы он прислал ему двух детективов. Ему обещали, что пара сыщиков прибудет к нему через пару часов.

— Тем временем нам надо избавиться от гусят. Вестибюль полон людей, которые ищут случая с нами увидеться, а мы ищем случая с ними не увидеться.

Он поднял трубку и позвонил редактору газеты «Фью-уик» и сказал, что он был бы рад видеть репортера у себя в номере. Когда тот явился, Родни снова произнес одну из своих полных достоинства маленьких речей. Он сказал, что не любит толпы и шума. И гусята, эти хрупкие существа, тоже не любят: они не привыкли к рекламе и легко пугаются. Поэтому Родни отвез их на ферму к друзьям, где они будут расти на свежем воздухе и где они получают столь необходимый гусьям рацион. Когда они подрастут, Родни пройдет с ними курс наук и передаст их «Зеленому кресту». Вот и вся история, и Родни просит прессу признать право гусей на свою собственную, частную жизнь.

Конечно, репортера интересовало, где находится эта ферма, но Родни сказал, что сообщить адрес печати значило бы разрушить первоначальный план.

Обо всем остальном он предоставил репортеру догадываться самому. Он хотел только подчеркнуть, что гусят в данный момент в его комнате нет. Родни еще раньше вынул из корзины подушки, но папоротник пока оставался в корзинах, и Родни продемонстрировал его репортеру. Он даже предложил ему обыскать комнаты и самому убедиться воочию, что гусята отсутствуют. В заключение Родни выразил надежду на то, что пресса о нем забудет. Репортер ушел.

Два джентльмена, крепко скроенных и серьезного вида, вскоре предстали перед Родни. Они протянули ему удостоверения сотрудников частного сыска на имя Смита и Гагинса. Оба вытаращили глаза, когда узнали, что абиссинские королевские гуси и гусята, не сходявшие с первой полосы каждого газетного выпуска, только выдумка, чтобы скрыть за ней двух карликов, которые путешествовали в машине Родни Синсебау. Им было сообщено, что речь идет о двух живых существах, которые выглядят совсем как люди и даже говорят на английском языке, но рост их не превышает тридцати сантиметров, несмотря на то, что оба они вполне взрослые.

Услышав все это, оба детектива никак не могли понять, то ли им предстоит серьезная работа, то ли это еще одна шутка молодого богача, у которого денег больше, чем мозгов.

Родни сказал:

— Я не могу открыть вам, где мы нашли Бобо и Глого. Но они существуют, они у нас украдены, и я хочу их разыскать. Сверх того, что я заплачу конторе, я обещаю вам по сто долларов каждому, если вы действительно поможете мне найти их.

Это звучало по-деловому. Родни сообщил им то, что, по его мнению, могло пока что послужить ключом к разгадке. Детективы похвалили его за то, что он мудро не поднимал шума, и обещали тут же начать работать и все время держать его в курсе.

Посещение местной газеты обогатило детективов сведениями, что в город приехал известный зрелищный предприниматель, мистер Моррис Какстон. Он был владельцем значительного числа небольших кинотеатров и других зрелищных заведений в Чикаго. О нем была помещена статья в газете с портретом, так что это облегчало задачу. Случилось так, что он останавливался в том же отеле «Путешественник».

Придя в отель, один из детективов представился цирковым артистом и сказал, что он разыскивает мистера Какстона. При этом он выяснил, что мистер Какстон выбыл часа два назад. С ним вместе в отеле проживал некто мистер Чарльз Виллоуби, но он тоже выехал. Детектив попросил описать ему их наружность, а другой наведлся в гараж и выяснил, что мистер Какстон уехал в машине один. Но сыщик рассудил, что известный и богатый человек вряд ли станет рисковать своей репутацией и не будет сам воровать гусят. Он расспросил торговцев дешевыми автомобилями и узнал, что человек, похожий по описанию на Виллоуби, купил маленькую машину, назвавшись Альфредом Постом, и уехал сегодня вечером.

Детективы вернулись доложить обо всем Родни и Элизабет. Они сказали, что, несомненно, Виллоуби украл карликов по наущению Какстона, который надеялся нажиться, демонстрируя за деньги, как он полагал, абиссинских королевских гусят. Теперь вопрос заключался в том, что Родни хочет, чтобы они предприняли. Родни быстро ответил, что он хочет одного: чтобы гномы, то есть карлики, были ему возвращены.

Смит и Гагинс заметили его оговорку, переглянулись, но ничего не сказали, а только спросили, желает ли Родни упрятать воров в тюрьму. Нет, он только хочет вернуть обратно своих маленьких друзей. Детективы заметили, что это облегчает задачу, потому что воры будут меньше сопротивляться. Смит пошел побеседовать с горничной. Он изложил ей историю бедной Элизабет. Он сказал, что девочка выросла вместе с двумя маленькими карликами, которых она очень любит, а теперь их украли, и ребенок в страшном горе. Если горничная поможет им, он обещал никому ничего не рассказывать и передать ей от имени девочки десять долларов. Горничная призналась Смигу, что мистер Виллоуби сказал ей, что он будто бы секретный агент полиции, а Родни — переодетый опасный фальшивомонетчик и в корзинках у него фальшивые деньги. В доказательство он дал ей пять долларов нефальшивых денег, а она дала ему ключ от номера Родни Синсебау.

Все разъяснилось.

— Едем в Чикаго, — сказал Родни, и детективы согласились с тем, что это верный ход...
Родни сказал Элизабет:

— Мы гнастигнем гнегодяев, угнавших гномов!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

где гнегодяи гнастигнуты

К утру гномобиль был в порядке, и поисковая экспедиция двинулась в путь. Взяли с собой обе корзинки. Они были такие пустые! И как пусто было в гномобиле! Элизабет не с кем было считать коров. Некому было задавать бесконечные вопросы по поводу всего нового и необычного, попадавшегося на их пути.

Где будет «один из владельцев крупнейшего цирка» держать двух пленных гномов? Кому он поручит за ними ухаживать? Неужели он будет их бить и запугивать или он будет добр к ним и попытается завоевать их расположение? И где он будет их показывать? Все это надо было выяснить. Родни купил журнал «Варьете», орган торговцев развлечениями, и они с Элизабет как следует повеселились, пытаясь расшифровать, что значили странные объявления, написанные странным языком, с помощью которого эти люди ухитрялись сообщать сведения друг другу. Место для объявлений на страницах этого журнала стоило дорого, поэтому все давалось в сокращении. Кинофильмы обозначались словом «фикс». Поэтому если появлялось объявление, которое гласило, что «Фикс не пике, а микс пикс», его надо было читать так: «В маленьких городах больше не посещают ковбойские фильмы, но интересуются фильмами о бродягах».

Элизабет занялась изучением этого нового жаргона, потому что надеялась, что известия о гномах могут попасть в этот журнал. Если бы она не владела этим жаргоном, она бы просто

ничего не смогла понять!

Они приехали в Чикаго вечером. В номере отеля они снова посовещались со Смитом и Гагинсом, выслушали, какие идеи оседают этих достойных джентльменов, и поделились собственными соображениями.

Всем было ясно одно: владелец цирка, который только что совершил гнегодяйскую кражу гномов, будет ждать преследования и будет осторожен со всеми, с кем ему в ближайшее время придется иметь дело. Так что открытые действия будут более чем безрезультатны. Было решено просить чикагское отделение конторы частного сыска подослать сотрудницу, чтобы та познакомилась с секретаршей Какстона. Было условлено также, что Смит сведет знакомство с некоторыми актерами и прочими сотрудниками Какстона, а Гагинс разузнает, какие есть ярмарки и другие скопления публики, где было бы выгодно показывать карликов.

Родни и Элизабет зарегистрировались инкогнито, но шутки уже кончились, и имена они себе выбрали вполне солидные и сказали, что они из Нью-Йорка.

Родни был уверен, что похитители гномов наблюдали за ними еще с Миссури и хорошо запомнили их в лицо. Поэтому они с Элизабет старались никому не попадаться на глаза и занимались изучением зрелищного дела по газетам и журналам, обзванивая различные предприятия по телефону.

Вечером Смит пришел с полным отчетом о какстоновском предприятии. У Какстона, помимо прочего, была труппа монстров, то есть уродцев, куда входили очень толстые леди, бородастая леди, два карлика и пятиногий ягненок. Эту труппу он обычно привозил туда, где ожидалось большое скопление публики.

— Я убежден, что ваши Бобо и Глого появятся в ближайшее время в составе этой труппы, — сказал Смит.

Женщина-детектив шла следом за какстоновской секретаршей и завела с ней знакомство в кафе, во время завтрака. Поскольку секретарша не знала, что ее хозяин совершил преступление, у нее не было причины скрытничать. Детективы мало-помалу ввинчивались в дела циркового предпринимателя, как червяки в яблоко. Они дознались, что у мистера Какстона есть в запасе новый аттракцион, о котором он никому не говорит, даже своей секретарше. Выяснилось, что этот аттракцион готовит к показу Чарли Виллоуби, помощник Какстона, и что первый показ состоится в его загородном доме.

Гагинс, который тоже разузнал об аттракционе, старался под видом циркового дельца заключить на него контракт якобы для показа на ярмарке в Кентукки.

Смит выдумал, что он учился с Чарли Виллоуби в школе; говоря о нем, называл его «старый добрый Чарли» и предложил секретарше Какстона проехаться с ним к «старикам» за город в воскресенье.

Они добрались до его фермы, но им сказали, что мистер Виллоуби был здесь и уехал, а куда — неизвестно. Смита это очень разочаровало, а секретарша сказала, что она в ближайшие дни узнает, куда он девался. Наверняка он телеграфирует, или позвонит, или, в крайнем случае, пришлет письмо.

Родни и Элизабет, получая каждый день эти отчеты, решили, что детективы не зря едят свой хлеб. Но через два дня они решили, что зря, и что все их труды стоят не дороже трехцентовой утренней газеты, потому что, просматривая эту газету за кофе, Родни неожиданно воскликнул:

— Это же Бобо!

Элизабет затаила дыхание и не дышала, пока Родни читал коротенькую записку о том, что в Джонстауне, штат Пенсильвания, на ярмарке, открывшейся накануне, был продемонстрирован карлик, который объявил себя самым маленьким человеческим существом на свете. Рост его был меньше тридцати сантиметров, но он был пропорционально сложен и мог вести разумную беседу с кем угодно. Он является приемным сыном известной карлицы Флосси Френч, которая держала его в тайне, потому что не хотела, чтобы он выступал публично до своего совершеннолетия. Толпы народа, которые привлекло это зрелище, чуть не снесли сцену.

— Это в самом деле Бобо? — засомневалась Элизабет.

— А кто же еще!

— А где Глого?

— Они, вероятно, решили, что для них безопаснее показывать гномов по одному. Они даже объявили, что у Бобо есть мать, чтобы все выглядело более естественно. И выдали его за мальчика, надеясь, вероятно, что так им легче будет придать всему видимость законности.

— О Родни, но они не получают на него законного права?

— Я надеюсь, что нет. Правда, я не знаю, что они собираются делать. Наверно, они на что-то все-таки рассчитывают. Им ведь ясно, что мы рано или поздно найдем гномов.

Родни позвонил детективам и рассказал им о сообщении в газете. Он просил их поехать с ними в Джонстаун. Родни могли понадобиться свидетели или телохранители — как знать?

Оба детектива очень хотели увидеть карликов своими глазами. Родни сказал, что он все равно выплатит им обещанную сотню долларов, несмотря на то, что сам первый наткнулся на объявление в газете. Это немало ободрило детективов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой Бобо набивает зрительный зал

Две машины отправились в путь и через два дня прибыли в переполненный людьми город в горах Пенсильвании. Город расположился в узкой долине, там, где сливаются две реки, а горы изрыты угольными шахтами и покрыты черной копотью от металлургических заводов. Ярмарка была устроена на большом лугу, на значительном расстоянии от самого города.

Когда они добрались туда, там уже нетрудно было найти Бобо. Вход на территорию ярмарки стоил пятьдесят центов, и десять центов дополнительно, чтобы посмотреть на самого маленького человека в истории человечества.

На ярмарке специальная улица, которая называлась Средняя, была отведена под зрелищные балаганы. На парусиновом шатре был изображен «самый маленький человек», а рядом с ним — для сравнения — мальчик с пальчик и другие известные маленькие существа.

Балаган имел широкий вход, возле которого стояли билетеры, и несколько запасных выходов.

Чтобы попасть внутрь, надо было встать в очередь, которая растянулась чуть ли не на всю улицу. Зрителей не просто впускали — их набивали в балаган, чтобы поместилось побольше народу.

Зазывалы кричали:

— Не отчаивайтесь, леди и джентльмены! Очередь движется быстро, мы то и дело впускаем зрителей! Не уходите, посмотрите изумительное зрелище! Во всю историю человечества никому не доводилось такое видеть!

Кассиры сами шли вдоль очереди и продавали билеты. Так что целые толпы без задержки впихивались в зрительный зал.

Родни и Элизабет со своими телохранителями пристроились к очереди и купили билеты. Попав в балаган, они увидели очень высокие подмостки, а на них большой стол, покрытый бархатной скатертью. Перед сценой была протянута веревка, чтобы сдерживать толпу. В зале не было никаких стульев. Люди ожидали стоя.

Внезапно занавес в глубине сцены раздвинулся, и вышел мужчина, обряженный в пурпурно-золотую ливрею. В руках у него был поднос, а на подносе стоял самый маленький представитель человечества. В зале возник шепот изумленного недоверия. Потом разразились бешеные аплодисменты и послышались восторженные возгласы. Маленький человек ступил с подноса на стол и, улыбаясь, раскланялся.

Это был несомненно Бобо. Бобо, одетый в коричневую курточку и короткие штанишки. Бобо, вполне довольный жизнью. Бобо, который чувствовал себя на сцене свободно, как настоящий артист.

— Леди и джентльмены! — начал он говорить своим пронзительным голосом. — Я счастлив, что я здесь, перед вами, и вижу ваши доброжелательные и дружественные лица. — Мощный микрофон, имеющий дополнительный усилитель звука, наполнил зал его многократно усиленным голосом. — Вы, наверно, удивлены, что видите такого маленького человека, но, уверяю вас, что я умею мыслить и чувствовать, как если бы я был большим человеком. Конечно, быть таким маленьким нелегко. Я никогда не мог играть на улице, как другие дети. Но это неважно. Я рад, что могу встретиться с вами и рассказать вам о себе...

И так далее. Он не так уж много говорил, но много раскланивался, улыбался и даже спел короткие куплеты — все для того, чтобы уверить толпу в том, что он настоящий. Когда он кончил говорить, раздались аплодисменты, и ливрейный лакей, который все время стоял сзади, приблизил к нему поднос. Бобо ступил на него и уехал за кулисы. Тогда зазывалы закричали:

— Сюда, на выход! Леди и джентльмены, пожалуйста, поторопитесь. Другие тоже хотят посмотреть. Посоветуйте всем вашим друзьям прийти и посмотреть на это чудо природы — самого маленького человека в истории человечества.

Родни, Элизабет и их телохранители вышли из балагана вместе со всеми, нашли укромное местечко и решили посоветоваться.

— Видимо, Бобо не запугали, а уговорили, — сказал Родни. — Мне кажется, ему нравится все это.

— Я уверена, что он не захочет расстаться с нами! — воскликнула Элизабет.

— А почему? Что мы можем ему предложить, кроме как отвезти его обратно в красные леса? Но знаешь, мне последнее время казалось, что ему этого не так уж хочется. Если мы просто

возьмем гномов к себе, репортеры и зеваки не дадут нам житья, — ты видела, что они творят. Мы не должны мешать Бобо самому решить, как устроить свою жизнь.

Они разработали такой план: они еще раз купят билеты и войдут в балаган. Многие именно так и поступали. Они постараются встать поближе к сцене. Когда выступление Бобо будет подходить к концу, Элизабет поднырнет под веревку и подбежит к Бобо со словами приветствия.

— Они не придерутся к девочке, — сказал Родни. — А если что, так мы будем рядом.

— А что мне сказать ему, Родни?

— Что хочешь. Просто заговори с ним. Спроси, как он поживает и не надо ли ему помочь. Скажи, что ему не следует бояться, а если с ним плохо обращаются, то пусть он знает, что мы здесь и готовы его защитить.

Какая трудная роль для девочки, получившей изысканное воспитание, приученной вести себя скромно и не привлекать к себе внимания! Что, если бедная мама прочтет об этом в газетах? Но Элизабет решила думать лучше о Бобо, потому что он, а не мама был в это время в опасности. Она стала сбоку, возле самой веревки, и попросила Гагинса заслонить ее, чтобы Бобо пока что ни о чем не догадался. В тот момент, когда Бобо уже заканчивал свое выступление, она скользнула под веревку и взобралась на подмости.

— Бобо! — позвала она.

— Элизабет! — восхищенно отозвался Бобо.

И она схватила его на руки. Это было воспринято, как великолепное «приложение» к программе. Зрители сначала не поняли, то ли этот номер нарочно подстроен, то ли девочка действительно знакома с карликом. Пурпурно-золотой лакей стоял возле стола, совершенно сбитый с толку. Тут двое мужчин выскочили из-за занавеса, одновременно с ними Родни и оба детектива тоже сделали шаг к сцене и проскользнули под веревками, не сводя глаз с Элизабет и Бобо.

А эти двое болтали друг с другом, счастливые оттого, что встретились.

— О Бобо, как мы за тебя боялись!

— Я тоже сначала испугался. Но скоро я успокоился. Эти люди не сделали мне ничего дурного.

— Они тебя не обижали?

— Нет, нет! Это просто балаганщики. Они хотят заработать побольше денег, только и всего.

— И ты... ты доволен?

— Я ждал от вас известий. Вы получили мое письмо?

— Какое письмо?

— Я написал Родни на его домашний адрес, в Сиэтл. Я думал, вы вернулись домой.

— Нет, мы искали вас. О, Бобо, как мы соскучились!

— Ну теперь все хорошо. Мы встретились. А где Родни?

— Да вот он!

Родни ничего не оставалось, как влезть на сцену. Было сразу заметно, что произошло с Бобо. Бобо понял, в чем его сила. Сейчас он самая популярная цирковая знаменитость. Его хозяевам надо, чтобы он все время пребывал в хорошем настроении духа, а то придется объявить: «Сегодня представлений больше не будет. Благодарим за внимание».

У мужчин не так, как у девочек. Они не обнимаются и не целуются при встрече. У них свои способы выражать радость. Родни протянул Бобо руку, потом одним пальцем похлопал его по плечу и сказал:

— Привет! Как дела, артист? А Бобо ответил:

— Сам видишь. Касса делает сбор тысячу долларов ежедневно. Пятьдесят процентов мои.

— Ты шутишь! — воскликнул Родни, потрясенный.

— Я не шучу. Я их заставил. Они хотели меня обдурить. Я получаю свою долю, а если нет — укладываюсь в корзинку, как Глого.

— А где Глого?

— Он в гостинице. Ты ведь его знаешь. Ему не нравится цирк. Я так рад, что вы с Элизабет здесь, потому что только вы можете помочь ему. Глого очень плохо, вчера у него было обморочное состояние.

— Бедный старый Глого, — вздохнула Элизабет.

— Мы сделали для него все возможное, но ничего не помогает. Он говорит, что слишком долго жил... Один из балаганщиков решился перебить их:

— Я не могу освободить помещение, никто не выходит.

И тут Бобо, совсем не прежний Бобо, а очень деловой и энергичный, сказал:

— Вы правы. Мы пройдем за кулисы. Мои друзья идут со мной.

За сценой было небольшое помещение, где стояли несколько летних парусиновых стульев и стол для Бобо, который служил ему артистической уборной. На нем стояли игрушечный стул и корзинка с мягкой подушкой. Все было устроено удобно и уютно. Самый маленький человек из живущих на земле попросил своих друзей располагаться и чувствовать себя как дома.

Мистер Смит и мистер Гагинс, с одной стороны, и мистер Чарльз Виллоуби — с другой, были представлены друг другу.

— Старик! — воскликнул Родни, обращаясь к Виллоуби. — Ты помнишь, как вы со Смитом вместе ходили в школу?

— Ну да? — сказал Чарли, изумленно глядя на детектива. — Простите, я что-то вас не помню. Когда это было?

— А теперь он дружит с секретаршей Какстона, — напирал Родни, исполненный озорства.

— Надо же!

— Они искали тебя в воскресенье, ездили даже к тебе за город, так соскучились! Где ты был?

— Жалко, что они меня не застали, — сказал Виллоуби, заметно пугаясь.

— А это мистер Гагинс. Он хочет заключить с Какстоном контракт на выступление Бобо в Кентукки.

— Да, да, — пробормотал Виллоуби. — Это очень любопытно.

— Ты видишь, наши интересы совпадают!

— Вроде так, — сказал Виллоуби, на этот раз перепугавшись насмерть.

Вошел служитель и сказал, что пора начинать следующее представление. Лакей подал поднос для Бобо. Родни вмешался:

— Хочешь, Элизабет отнесет тебя на сцену, Бобо?

— Чудесно, — сказал Бобо. — Ты согласна, Элизабет?

— С удовольствием!

Таким образом, самый маленький человек из живущих на земле на этот раз был представлен толпе зрителей маленькой девочкой, а трое взрослых мужчин следили из-за кулис, чтобы никто даже попытки не сделал украсть это драгоценное крошечное существо. Пока Элизабет и Бобо были на сцене, где шло представление, Родни отозвал «старого доброго Чарли» в сторонку и устроил ему «мужской разговор начистоту». Родни, правда, начал разговор так:

— Нас интересует прежде всего благополучие Бобо. И если вся эта цирковая чепуха ему нравится, то пусть.

Это очень ободрило проходимца Виллоуби. Он не знал, какое гнегодьям полагается гнаказание по закону за угон гномов, но опасался, что очень суровое.

Он поторопился заверить Родни в том, что было сделано все возможное, чтобы Бобо был доволен и счастлив, и если мистер Синсебау и его племянница помогут им в этом, то они с мистером Какстоном будут очень признательны. Мистер Синсебау не должен и мысли допускать, что с маленькими человечками кто-нибудь обращался грубо или жестоко, потому что, сказал «старый добрый Чарли», это невозможно в цирковом бизнесе. Люди, или звери, или кто там еще — они не могут хорошо работать, если не чувствуют себя счастливыми.

— Я должен быть уверен, что никто не ущемляет Бобо в его законных правах, — сказал Родни.

Но Чарли снова поторопился его успокоить.

— Уж об этом-то нет нужды волноваться, мистер Синсебау. Я не знаю, где он этому научился, но должен сказать, что маленький бизнесмен сам продиктовал нам жесткие условия. Хозяин рвал на себе волосы, но ничего не смог с ним поделать, Бобо сказал: «Никаких спектаклей и никаких вам денег, если вы не будете вести со мной честную игру. А то скажу все публике со сцены и попрошу вызвать полицию!» Мы ничего не могли с ним поделать.

— Прекрасно, прекрасно! — сказал Родни. — Я рад, что он оказался таким просвещенным. Где его контракт?

— Да какой там контракт! Он ничего не хотел подписывать. Сказал, что будет выступать каждый день, пока с ним хорошо обращаются и отдают ему половину выручки. Где он успел набраться сведений о зрелищном деле, не представляю себе!

— Он задавал мне вопросы обо всем на свете, и я кое-что ему рассказывал, — сказал Родни. — Только я не думал, что он так все усвоит.

— Усвоил, усвоил, уж вы мне поверьте! Он скоро сам станет себе хозяином и сумеет заработать большие деньги, и добьется в жизни чего пожелает.

Бобо опять ненадолго появился за кулисами и извинился перед Родни за то, что у него так мало времени для разговоров.

— Я должен выступить, — сказал он. — У нас перерыв с шести до семи — тогда мы смогли бы как следует поболтать. Может быть, вы пока навестите Глого и попытаетесь немного его подбодрить?

Родни намекнул ему, что можно удрать от Какстона, но Бобо только засмеялся:

— Видишь ли, Родни, я зарабатываю много денег. Людям интересно на меня смотреть. Почему бы не заставить их платить за это? Мне только надо научиться читать получше и сообразить, как распорядиться своими деньгами. Я ждал тебя: мне надо о многом спросить твоего совета. Я буду жить в мире людей. Я теперь уже не дикое лесное существо. Кончилась игра в прятки в кустах и деревьях!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой произносится слово «прощай»

Родни и Элизабет направились в гостиницу, где сестра Чарли, мисс Виллоуби, ухаживала за Глого. Не так уж много надо было тысячелетнему гному. Он просто лежал в своей корзинке, а мисс Виллоуби сидела рядом и читала журналы о кинофильмах и кинозвездах. Бедный Глого! Болезнь победила его окончательно: он больше не сопротивлялся, предоставляя печали полную свободу действий.

Он вздрогнул, когда Элизабет позвала его, открыл глаза и попытался сесть. О конечно, Глого был рад видеть ее и Родни; он был уверен, что они придут, только опасался, как бы это не произошло слишком поздно. Глого снова прилег: слабость одолевала его.

— Глого, — сказала Элизабет с упреком в голосе, — я боюсь, что ты плохо питаешься.

— У меня особенно-то нет аппетита, — сказал старый гном.

— Но ты должен постараться хорошо есть, чтобы поправиться, Глого!

— Зачем мне поправляться? Что мне делать? Зарабатывать деньги?

— Мы разыщем других гномов, — отважился заметить Родни.

Глого слабо улыбнулся:

— Вы оба очень добрые. Но вы же знаете, что на это нет никаких надежд. Гномы исчезли навсегда.

— Но нельзя, чтобы ты просто лежал и никак не лечился! воскликнула девочка.

— Вы старались меня обмануть. Я и сам хотел себя обмануть, но теперь мне надо взглянуть

правде в глаза. Я слишком долго жил. — Он повторил последние слова, голос его постепенно замирал. — Слишком долго. Слишком долго...

— Может быть, ты хочешь, чтобы мы отвезли тебя обратно в твой лес, Глого?

— Нет, — возразил он. — Я теперь ничего не хочу.

Воцарилось долгое молчание, но Элизабет решила возобновить беседу:

— Мы виделись с Бобо.

— Бобо нашел то, что ему нравится, — прошептал дедушка.

— Но, Глого, — попытался успокоить его Родни, — Бобо ничего другого не оставалось делать.

— Я знаю. Я не обвиняю его ни в чем. Мне тяжело. Но скоро уже я не буду видеть ничего. Вы были ко мне очень добры. Я вас обоих благодарю. Всем сердцем. Но больше вы ничего не сможете для меня сделать. Я устал говорить. Попрощаемся.

Это была не просто просьба. В последнем слове звучала требовательная нотка. Им осталось только покориться. Слезы бежали у Элизабет по щекам. Она предчувствовала, что ей больше никогда не придется говорить со старыми гномом.

— Прощай, Глого, — проговорила она, дотрагиваясь до высохшей, слабой руки тысячелетнего гнома.

— Прощай, Элизабет. Прощай, Родни, — отозвался слабый голосок.

Они на цыпочках вышли из комнаты, возвращаясь обратно в мир людей, которые прожили на свете не слишком долго или так, по крайней мере, сами про себя думали.

От шести до семи в балагане был перерыв. Бобо не собирался доработаться до полусмерти — так он объяснил Элизабет и Родни. Он потребовал, чтобы ему и его друзьям принесли ужин. Его приказаний слушались, потому что теперь он был богачом. Он держался уверенно, скопировав свою манеру поведения с потомка миллионера. Последнего и забавляло и поражало то, как много этот малыш сумел усвоить из его рассказов о мире людей.

Представление возобновилось после перерыва. Родни и Элизабет задержались за кулисами, дружелюбно болтая со «старым добрым Чарли». Они пришли к молчаливому соглашению считать «гнегодаяский угон гномов» досадным недоразумением.

Чарли намекнул, что ему очень хотелось бы знать, где и при каких обстоятельствах Родни и его племянница встретились с Бобо и Глого. Но Родни сказал, что Бобо сам о себе сообщит то, что найдет нужным.

Во время этого непринужденного разговора пришло известие от мисс Виллоуби, что старый гном Глого тихо угас в своей постели.

Родни и Элизабет были к этому готовы. Они поняли, что тысячелетний гном отослал их от себя, чтобы спокойно умереть.

Элизабет сидела молча, со слезами на глазах, пока Родни и Виллоуби обсуждали, как им хоронить старого гнома. Во-первых, они решили ничего не сообщать Бобо до десяти вечера, то есть до конца представления. Виллоуби быстро смекнул, что широкое оповещение о похоронах привлекло бы к ярмарке лишних двести — триста тысяч посетителей. Но Родни, так сказать, топнул ногой. Он не позволит устроить приманку для публики из праха бедного

старого Глого, который при жизни ненавидел зрелищный бизнес и все связанные с ним махинации дельцов.

«Старый добрый Чарли» наконец с этим согласился. Они договорились похоронить Глого без лишнего шума. Чарли беспокоился, как быть с разрешением на похороны, но Родни сказал, что законы Соединенных Штатов не признают гномов и поэтому самое разумное отвезти Глого в лес и похоронить прямо в его корзинке под большим красивым деревом. Ведь Глого так любил деревья!

Бобо, которому в десять часов вечера сообщили эту грустную весть, согласился с ними. Родни и Элизабет были настоящими друзьями его дедушки, сказал он, и они, несомненно, поступят так, как дедушка сам бы того пожелал.

И вот, когда наступила полночь, корзинку тихо вынесли из отеля, и похоронная процессия — три автомобиля — направилась за город. Одну машину вел Родни, другую — Гагинс, а третью — Чарли Виллоуби. Они остановились в живописном месте, Б горах. Деревья скрывали луну, и свет ее казался призрачным. Было тихо и торжественно. Воздух был напоен лесными ароматами, которые при жизни так любил старый гном.

Никто не знал, как принято служить панихиду по гному, и Бобо тоже не мог ничего посоветовать. Поэтому Родни ограничился тем, что произнес маленькую речь. Он сказал, что Глого всю свою жизнь был связан с лесом и вот теперь лес навсегда примет его в свое лоно.

Похороны завершились. Лопата была положена назад, в машину. Уже собирались завести моторы, как вдруг Элизабет заволновалась:

— Где же Бобо?

Бобо исчез.

Включили все фары. Элизабет зажгла карманный фонарик и двинулась по лесу, шаря лучом в темноте и громко окликая Бобо. Но Бобо нигде не было видно. Элизабет начала было впадать в панику, как вдруг из-за купы низеньких кустиков ее позвал знакомый голосок:

— Элизабет, тише!

Она замерла на месте и зашептала в ответ.

— Что произошло, Бобо?

— Отойди в сторонку и незаметно углубись в лес. Мне надо тебе что-то сказать.

Элизабет послушалась и, пройдя несколько шагов, увидела Бобо. Он подошел к ней совсем близко и прошептал:

— Здесь есть гномы.

— О Бобо! Не может быть!

— Я чувствую запах. Всюду. Тут их полно!

— Но где же они? — чуть не закричала Элизабет, приходя в невероятное возбуждение. Известно, что с девочками это часто случается и не приносит им никакого вреда.

— Они не покажутся, пока вы, большие люди, находитесь здесь, в лесу.

— Что же надо сделать?

— Вы все возвращайтесь в город, а меня оставьте здесь одного. Мне надо оглядеться и поискать гномов.

— Ты не боишься ночи?

— Ночь — это время гномов, мне нечего бояться. Вы сможете вернуться сюда рано утром?

— Конечно, раз ты об этом просишь, Бобо.

— Скажи остальным, что я хочу побыть один на дедушкиной могиле. Расскажи Родни о моем открытии, но только без свидетелей. Остальные даже и догадываться ни о чем не должны. Иначе они нападут на гномов и постараются их всех изловить для своего балагана.

— Уж это конечно, — согласилась с ним Элизабет.

До чего же смышлен Бобо, как быстро он научился разбираться в людях!

— И пусть утром с вами никто не приезжает, — прибавил Бобо. Только ты и Родни. Если явятся другие, я вообще не покажусь.

— Ладно, — сказала Элизабет. — Будь осторожен, Бобо. Я надеюсь, что это хорошие гномы.

— Гномы не бывают плохими, — заметил Бобо. — А люди бывают. Иногда.

Элизабет поспешила вернуться туда, где ее спутники продолжали поиски. Она созвала всех и сказала:

— Я только что говорила с Бобо. Он хочет провести ночь на могиле Глого.

— Это что еще за фокусы?! — взвыл совершенно ошеломленный Чарли.

— Не знаю, — ответила Элизабет. — Я передаю вам то, что мне сказал Бобо. Он взял с меня обещание, что мы вернемся за ним утром, только он не велел никому приезжать, кроме меня и Родни, а то он вообще больше не покажется.

Хорошенькие новости для «доброго старого Чарли»! Он пришел в раж, но что тут можно было поделаться?

— Я уверяю вас, мистер Виллоуби, — сказал ему Родни, — все это для меня совершеннейшая неожиданность. Это какая-то причуда самого Бобо. Вы же его знаете: он любит делать, что ему вздумается.

— Но ведь у нас зрелищное предприятие. Люди будут штурмовать наши ворота.

— Ну, если Бобо будет некоторое время в отсутствии, это, право же, не причинит вам ущерба. Вы можете объявить, что его угнали гнегодяи. Подумайте, какой это будет потрясающей сенсацией. Ведь могли же его украсть? Вы ведь знаете, такие происшествия уже случались.

Камешек был в его огород, и «старый добрый Чарли» понял это.

— Что вы задумали? — спросил он у Родни.

— Я вас еще раз заверяю в том, что я не имею ни малейшего представления о намерениях Бобо. Я думаю, что и моя племянница ничего не знает. Да, Элизабет?

— Понятия не имею, — сказала Элизабет серьезно. — Он мне просто шепнул, что нам надо уехать и чтобы утром вернулись мы с Родни, и больше никто, а то он вовсе не выйдет.

— Значит, так тому и быть, — заключил Родни. — Бобо волен поступать, как он захочет. И мы, несомненно, его в этом поддержим.

— А что же мне остается делать, мистер Синсебау? — спросил Чарли.

— Я думаю, вам остается подождать до завтра. Уверяю вас, нет никакой возможности обнаружить Бобо в лесу. Гномы привыкли прятаться в течение тысяч, а может, и миллионов лет. Он поступит так, как сам захочет. Вам придется с этим примириться.

Добавить было нечего. Правда, все сказанное пришлось повторить несколько раз, пока Чарли наконец уразумел, что в лесу ему торчать бесполезно. Он и его приятели сели в свою машину, потом Смит и Гагинс сели в свою. Родни и Элизабет направились к гномобилю.

Чарли подозревал своих спутников в коварстве и все время оглядывался, опасаясь, как бы они не отыскали Бобо и не увезли его тайком. Как только дядя и племянница остались одни, Элизабет сообщила потрясающую новость о том, что Бобо напал на след других гномов. Родни даже не сразу понял, о чем она говорит. А когда до него дошло, он страшно обрадовался. Ведь найти гномов и было целью их путешествия!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Бобо встречает Принцессину

Элизабет была так возбуждена, что почти не спала ночь. Поэтому, когда портье позвонил в номер около пяти часов утра, она выскочила из постели как пружинка. Если бы не торжественное обещание, которое она дала маме, она даже не почистила бы зубы.

Элизабет и Родни не стали тратить времени на завтрак, а сразу же ринулись в гараж. Задолго до того, как солнце выбралось из-за гор Пенсильвании и осветило долины, их машина уже мчалась к лесу, расположенному неподалеку от Джонстауна. Родни и Элизабет углубились в чащу, стараясь отыскать то место, где вчера остался Бобо. Они позвали его, и он не замедлил откликнуться. Он прятался в зелени дикого лавра, который на удивление разрастается в этих покрытых лесами горах.

— Я встретил тут других гномов, — объявил он вместо приветствия.

— О Бобо, правда ли это?

— Их тут тысячи!

— Чудесно, Бобо! — обрадовалась Элизабет. — И они все хорошие?

— Лучшие на свете. И у них удивительнейшая цивилизация!

— Да что ты! Это не дикие гномы?

— Они живут почти в таком же прекрасном городе, как Джонстаун.

Надо заметить, что Родни и Элизабет считали Джонстаун насквозь прокопченным, грязным городишком, неудобно расплзшимся по горам, но они промолчали, не желая обижать Бобо.

— Поразительно, Бобо, поразительно! — восклицала Элизабет. — И ты видел этот город?

— Они мне его весь показали.

— Бобо, а можно, и мы посмотрим?

— Мне очень жаль, Элизабет, но, понимаешь, эти гномы никогда не показываются большим людям. Таков их древнейший закон. Боюсь, что мне никогда не удастся убедить их доверить людям свои тайны. Они даже не хотели меня отпустить, опасаясь предательства.

— Какой ужас, Бобо, я бы умерла, если бы ты не вернулся!

— Но мне удалось в конце концов убедить мистера Морго — это их крупнейший капиталист и владелец сталеплавильного завода.

— Господи помилуй! — закричал Родни. — Откуда же у них сталь?

— Они живут в этих горах, где полно железной руды и каменного угля. Почему бы им не выплавлять сталь?

— Да, но это ведь сложный процесс, — изумился Родни. — Во всяком случае, то, что ты говоришь, чрезвычайно интересно, и мне хотелось бы услышать подробнее!

— Садитесь, и я вам все расскажу.

В этот ранний час трава не успела высохнуть от росы, но заботливый Родни захватил с собой плед и еще корзинку Бобо, в которую был упакован термос. Элизабет и Родни разместились на пледе, а Бобо сказал, что он лучше посидит в лавровых кустах — на случай, если «старый добрый Чарли» вдруг захочет помешать беседе.

И вот их маленький друг развернул перед ними поразительную картину своих ночных приключений.

Он пошел вслед за обнаруженным в лесу запахом и дошел до расселины в горах, которая служила входом здешним гномам. Бобо подвигался вперед по внутреннему ходу, который приводил к целой системе пещер. В этих пещерах и был расположен город Гномтаун с его угольными шахтами, фабриками и большим металлургическим заводом. Конечно, появление Бобо вызвало переполох. Сразу же был приглашен шеф полиции, который отвел его под эскортом к лорд-мэру, а тот, в свою очередь, известил о пришельце мистера Морго, главного банкира и капиталиста. Бобо провел большую часть ночи в беседе с этим джентльменом и еще с одним, у которого была длинная белая борода и который был главой гномической церкви, епископом пенсильванской епархии.

— Они вежливо с тобой обошлись? — спросила Элизабет с тревогой.

— О конечно, — успокоил ее Бобо. — Они были изумлены и обрадованы, когда узнали, что я родом из Калифорнии.

— Они знают о Калифорнии? — удивился Родни.

— Кто не знает Калифорнии! Я так понял, что их предки происходят из калифорнийских красных лесов. Они переселились оттуда много миллионов лет назад. У них сохранились летописи и картины с изображением гигантских красных кондори.

— О Бобо, как интересно! — перебила его Элизабет. — Ужасно, что мы ничего этого никогда не увидим!

— Не думаю, чтобы вам так уж там понравилось. Понимаешь, своды у пещер местами такие низкие, что только гномам впору в них поместиться. А ты просто испортила бы платье или вовсе застряла бы где-нибудь, и тебя пришлось бы откапывать. И к тому же у них в данное время довольно уныло. Сейчас кризис, безработных много и куча разных других неприятностей.

— Правда? В Гномтауне так же, как и в Соединенных Штатах, не решена проблема промышленного цикла? — изумился Родни.

— Уверяю вас, что они совершенно современны абсолютно во всем, заметил Бобо мрачно — Но у них, кроме того, есть некоторые открытия, до которых даже люди пока что не додумались. Им, например, не приходится бегать по лесу и искать семена папоротника. Они производят то, что они называют синтетической пищей. Вам знакомо это слово?

— Как же, — сказал Родни. — Наши ученые без конца об этом говорят.

— Ну вот. А они вырабатывают продукты питания из угольной смолы. И, честное слово, получается очень вкусно! И заметьте, все население пребывает в отличном здоровье.

— Кроме тех, кто лишился работы, надо полагать? — задал вопрос Родни.

— Ну, естественно, — ответил Бобо. — Но этих они не принимают в расчет.

Все немного помолчали. Потом Элизабет спросила, есть ли в Гномтауне женщины-гномы. Бобо сказал — конечно. Это оказалось для него самым поразительным открытием.

— Видишь, Элизабет, — сказал он, — я ведь никогда не знал ни одного гнома, кроме Глого. Моя мать умерла, когда я был ребенком, а все остальные гномы исчезли раньше, чем я дорос до того, чтобы осознать их исчезновение. Когда Глого, и ты, и Родни говорили мне о невесте, для меня в этом слове почти что не было смысла...

— Так, значит, ты ее встретил?

— Я встретил прелестнейшее существо. Она очень похожа на тебя, Элизабет. Ей только семьдесят лет, у нее золотистые волосы и голубые глаза. Одета она в голубое платье из лучлона. Во всяком случае, так у них называется волокно, которое они делают тоже из угольной смолы.

— Кто она, Бобо?

— Она единственная дочь мистера Морго. Она живет в прелестном дворце и разъезжает в очаровательном спортивном автомобильчике.

— И она ласково к тебе отнеслась?

— Видишь ли, Элизабет, может быть, не стоило бы говорить.

— Отчего же, — перебил его Родни, — мы старые друзья, и нам хочется знать все, что касается твоего благополучия.

— Дело-то вот в чем. Поскольку я прибыл из Калифорнии и видел почти все Соединенные Штаты, а к тому же выступал в цирке и обо мне писали в газетах, — я показался им героем, романтической фигурой. Поэтому, наверно, и Принцессина Морго...

— Ее так зовут, Бобо?

— Правда, очень подходящее имя для дочери крупнейшего магната? Короче говоря,

случилось так, что мистер Морго просил меня поскорее вернуться и жениться на его дочери.

— Так скоропалительно?

— Я сказал ему то же самое. Но он, помимо всего еще, вероятно, боится, как бы я не предал гномов большим людям, которые их всех переловили бы и разослали бы по циркам. С другой стороны, они не могли не отпустить меня, потому что боялись, как бы вы не предприняли капитальные розыски. Потом, когда мне все-таки решили поверить, мистер Морго отозвал меня в сторону и сказал, что он сделает меня своим сыном и оставит мне в наследство все свои богатства. А кроме того, он научит меня выплавлять сталь, и, может быть, мы вместе разрешим это... как это называется, Родни?

— Проблема промышленного цикла.

— И ты принял его предложение? — спросила Элизабет.

— Конечно, как же я еще мог поступить?

— Мы-то искали тебе лесную невесту, чтобы ты всегда жил на свежем воздухе. Ты же вырос в лесу!

— Что же делать, — сказал Бобо, — так сложились обстоятельства, надо к ним приспособливаться.

— Мы когда-нибудь увидим твою Принцессину, Бобо?

— Это будет нелегко устроить, — ответил Бобо невесело. — Видите ли, мистер Морго и его дочь — гномы с большим общественным весом. Поэтому, как это случается и среди людей в Америке, они должны опасаться похищения. Но, когда они получше меня узнают, не исключено, что они станут больше доверять и моим друзьям.

— А где мы встретимся? — спросил Родни.

— Я уже думал об этом. Если бы вы согласились приехать в Джонстаун через год...

— О конечно, Бобо! — воскликнули Родни и Элизабет одновременно.

— Тогда на этом самом месте в этот же час ровно через год. Я постараюсь убедить жену и тестя прийти вместе со мной.

— Идет, — сказал Родни. — Договорились. — Немного помолчав, он добавил: — Ты, наверно, спешишь вернуться к своей невесте?

— Я очень тронут, что ты об этом подумал, — сказал Бобо. — Дело в том, что они безумно боятся, как бы я не передумал и не нарушил свое обещание.

— Прощай, старина, — сказал Родни.

Мужчины держали себя в руках и не обнаруживали своих чувств. У Элизабет закапали слезы, но она тут же объяснила всем, что это от радости за Бобо. Она наклонилась к земле, и гном выбежал из своего лаврового укрытия и обнял ее. Ему, конечно, не удалось обвить ее шею руками. Но он справился с этим как мог, и поцеловал девочку в лоб, и пожал по очереди несколько ее пальцев. Так они простились в горах Пенсильвании, недалеко от реки Конемо. Последнее, что увидели Элизабет и Родни, был маленький шелковый платочек, который трепетал на фоне яркой зелени лаврового куста.

Родни повел машину назад, в город, где он расплатился со Смитом и Гагинсом и сообщил

«старому доброму Чарли» душераздирающую новость о том, что самый маленький из человеческих существ на земле больше никогда не вернется на подмости. Конечно, Виллоуби решил, что Элизабет и Родни попросту украли его сокровище. Но он ничего не мог с этим поделать, ему даже нечем было им пригрозить.

Родни позвонил маме и сказал, что они возвращаются домой. Они покинули Джонстаун, взяв курс на север, чтобы было не так жарко в дороге. Они опять поехали через штат Миннесота. Когда Элизабет замечала коров с той стороны, где обычно сидел Бобо, у нее начинало щемить сердце. Корзинка Бобо и все его вещи лежали на заднем сиденье. Элизабет решила все это сохранить на память о путешествии в гномobile, который назывался теперь уже не гномобиль, а просто автомобиль.

Такая перемена произошла решительно во всем: утратили свое очарование горы, леса и озера, и заправочные станции, и завтраки на свежем воздухе, и попутчики, которые просили их подвезти. Словом, все-все дорожные прелести потеряли свой смысл, раз на заднем сиденье больше не было маленьких созданий, и никто не бегал от окошка к окошку, и никто не задавал бесчисленных вопросов.

Ничто не изменилось в их настроении, когда они достигли своего родного штата Вашингтон. В этом краю шел дождь и нескончаемые леса тянулись вдоль цепи озер. Потом шоссе пролегло по такому месту, где горы вставали хребет за хребтом, заросшие такими густыми лесами, что издали казалось, будто горы кто-то покрыл зеленым бархатом.

Родни и Элизабет вышли из машины полюбоваться видом.

Элизабет воскликнула:

— О как бы здесь понравилось Глого!.. — Потом ее слова зазвучали торжественно, как клятва: — Когда я вырасту, я буду помогать тем, кто спасает леса, и постараюсь, чтобы в них опять поселились милые маленькие гномы.

о чем грустил Глого

Послесловие

Эта сказка ничуть не похожа на те, которые я читал в детстве и запомнил навсегда. В тех, читанных давно сказках происходили совершенно невероятные события. В них звери говорили на человеческом языке, куклы думали и страдали, как люди, люди надолго превращались в зверей, но обретали снова человеческий облик, умирали — и воскресали по волшебству.

Вы, конечно, тоже читали сказки, о которых я вспоминаю тут, и знаете, что, рассказав о самых небывалых событиях, сказочники часто утверждали, будто рассказали совершенно правдивую историю. Но мы с вами понимали, что это они утверждают, наверно, не совсем всерьез. Потому что сказка — это прекрасная и удивительная фантазия, выдумка, а вовсе не быль. Не то, что бывает на самом деле. На то и сказка.

Но вот в наше время, в наш век, появились совсем новые, особенные сказки, каких, по-моему, никогда не бывало в прошлые века. Их авторы рассказывают действительно совершенно правдивые истории. В этих сказках происходит удивительное, но удивительное, случающееся и в жизни. В них происходят с героями изумляющие превращения, но такие, какие на самом

деле случаются в наш век с людьми. И очень редко герои этих сказок воскресают после смерти, хотя в жизни — вы это знаете, конечно, — врачам теперь удается иногда оживлять людей сразу после смерти. И мы даже привыкли к тому, что это иногда удается. А в прошлом этого никто не умел.

Так что же это за новые сказочники, рассказывающие действительно правдивые истории?

Это писатели, наши с вами современники, которым настоящая, невыдуманная сегодняшняя жизнь кажется настолько фантастичной, что они хотят изобразить ее такой, какая она есть. Их, этих сказочников, беспокоит, что фантастичное в реальной жизни — и прекрасное, и дурное — стало для многих людей привычным и они не замечают его. Новые сказочники если и придумывают что-нибудь, то лишь затем, чтобы читатель острее ощутил невыдуманную фантастичность жизни.

Вот так и Эптон Синклер, автор «Гномобилия», который вы только что прочли. Он придумал лишь гномов — Бобо и Глого, но отправил их в путешествие по отнюдь не выдуманной стране — Соединенным Штатам Америки, чтобы свежим взглядом посмотреть на ставший привычным для миллионов американский образ жизни со всеми его реальными чертами — с его бизнесом, рекламой, прессой, с американскими темпами и американской жестокостью.

Спустя три десятка лет по тем же калифорнийским дорогам, что «гномобиль» с пассажирами, проехал автомобиль с советскими журналистами. Среди пассажиров его был корреспондент газеты «Известия» С. Кондратов. Он написал об этой поездке, и, читая в журнале его впечатления, я снова оказался в знакомых по сказке Э. Синклера местах. И в парках с гигантскими деревьями, и в больших и малых городах Калифорнии, и на великолепных автострадах, по которым можно мчаться без остановок с огромной скоростью... Я вновь видел то, что нравилось Бобо, что причиняло боль Глого, и больше всего удивлялся тому, что картины, нарисованные американским писателем и советским журналистом, ни в чем не противоречат друг другу!

Конечно, многое переменялось за несколько десятков лет. И я подумал, что по обе стороны дороги, по которой некогда мчался «гномобиль», стало гораздо больше того, что причиняло Глого боль...

Как вы помните, Бобо все вокруг было любопытно, а Глого чаще всего больно было видеть то, что мелькало за окнами. У него были не в порядке нервы. Почему? Может быть, потому что он устал за свою тысячулетнюю жизнь, как вначале предположил Родни? Нет, не поэтому. Ведь прожил Бобо сто лет (это тоже не так уж мало), а нервы у него в порядке. Дело в том, что Глого из тех, о ком мы говорим: «Он все принимает близко к сердцу». Эти слова мы произносим довольно часто. Но все-таки что это значит — «принять близко к сердцу»?..

Глого не только понимает и может объяснить другим, «почему это такое бедствие для всего живого, даже для больших людей, когда истребляют леса». Это понимают многие люди, мы с вами, понимает Родни. А Глого стонет от боли за каждое спиленное дерево, которое он называет «убитым деревом». Он не в силах смотреть на «убитые деревья». Бобо знал, как трогает Глого судьба леса, и все же перед путешествием на «гномобиле» он сказал: «В конце концов, Глого ведь знает, что люди убивают деревья, он ведь мог это представить себе в своем воображении, и оттого, что он увидит это своими глазами, хуже все равно не будет».

Бобо ошибся. Зная давно судьбу леса, Глого тем не менее оплакивает каждое дерево. Вот из-за этого у него не в порядке нервы. Не знаю, как вам, читатель, а мне не хочется посмеиваться над «мировой скорбью» старого гнома. Признаться, будь у него нервы в порядке, он был бы мне куда менее симпатичен. Когда я читал о нем и Бобо, то думал о том, какие разные бывают люди.

Есть же такие, которые считают, что мир несправедлив, знают о бедах человечества, но

сочувствовать каждому человеку, попавшему в беду, — на это же не хватит сил, считают они. И у них нервы в порядке. Они привыкли к тому, что люди попадают в беду, что людей убивают...

Но есть другие люди, которые не могут привыкнуть к этому. Сочувствие каждому человеку, попавшему в беду, обходится им дорого. Жизнь их длится вовсе не тысячу лет. По-моему, затем, чтобы из юных читателей выросло побольше таких людей, написал Э. Синклер образ старого Глого.

Но вернемся к судьбе лесов и живой природы. Сейчас она волнует в Америке многих, и гораздо сильнее, чем тогда, когда впервые вышел в свет «Гномобиль». Мощное развитие промышленности, техники, рост числа автомобилей привели, к примеру, к тому, что изменился благодатный климат калифорнийской низины. Чистый, прозрачный воздух Лос-Анджелеса стал нечист и непрозрачен. От взаимодействия выхлопных газов миллионов автомобилей с лучами южного солнца образуется мгла, окутывающая город. От нее жухнут листья на деревьях, убывает плодородие калифорнийской почвы, а у людей возникает все чаще эмфизема легких.

Знаменитый американский писатель-фантаст Рэй Бредбери, житель Калифорнии, пишет: «Сейчас ясное небо такая редкость, что, когда видишь его после дождя, сердцу тяжело от воспоминаний о давно минувших днях».

Американские космонавты, летевшие к Луне на «Аполлоне-10», с огромной высоты увидели не Лос-Анджелес, а лишь грязное пятно над ним. Полет на Луну и нерассеивающийся туман над Лос-Анджелесом — два результата, и таких разных, технического прогресса в Америке...

Видите, как многое переменялось со времени путешествия на «гномобиле». Но и в то время, когда, как пишет Рэй Бредбери, Калифорния была землей обетованной, у Э. Синклера было достаточно причин для того, чтобы создать печальную сказку.

Читатель, эта сказка тебе тоже показалась печальной?.. Или, может быть, она показалась тебе только забавной?.. Я хотел бы это знать. Может быть, ты подумал так: «Глого умер, но ведь Бобо не пропал. Он даже нашел себе Принцессину и женился. Разве это не хороший, не счастливый конец?!»

Было бы очень жаль, если б тебе в самом деле так показалось и так подумалось. По-моему, в конце сказки происходят два грустных события — смерть Глого и превращение Бобо. Что же это за превращение?

Вспомним. Бобо похищают. Друзья устремляются на выручку. Они находят его. И тут выясняется, что Бобо легко примирился с теми, кто подло украл его у друзей, потому что они стали платить ему большие деньги. Ему безразлично то, что его показывают публике жулики и негодяи. Ему важно, что ему отдают половину выручки. Это выгодно. Милый наивный лесной гном стал таким, как тысячи людей, у которых есть одна мысль — о наживе, о том, чтобы «делать деньги», и любым способом. Он отличается от них только тем, что он крошечный.

Сам он не сознает потери, не думает о превращении, которое с ним произошло. Но писатель Э. Синклер, прощаясь с маленьким человечком, несомненно, думает об этом.

В сказках, случалось, люди превращались в лягушку или в лебедя. Добрым волшебникам стоило больших усилий расколдовать их. Мы вздыхали с облегчением, когда это удавалось. Но бывают с людьми и другие превращения: когда человек остается на вид прежним, а по сути своей становится иным. У него много мыслей было в голове, все вокруг его интересовало. И вот в голове у него осталась только одна мысль, а интерес он сохранил лишь к самому себе. По-моему, такое превращение удивительнее, чем превращение в

лягушку или в лебедя. И страшнее. И совсем невелика надежда «расколдовать»... Тем более, что волшебников не существует.

Волшебников не существует. Но существует чудо искусства. Чудо, которое совершают великие писатели, великие сказочники. Тех, кто читает их доверчиво и увлеченно, они в состоянии уберечь от дурных превращений. Они умеют привлечь человека, который совсем недавно начал читать книги, на сторону добра, бескорыстия, чести. Они дают вам почувствовать, что сулят себялюбие, жестокость, забота о выгоде. И сердце ваше становится отважнее, горячее.

«Что враги сделают нам, пока сердца наши горячи? — спрашивал сказочник из одной пьесы Е. Шварца. — Да ничего!..»

Не знаю, может быть, что-нибудь и сделают...

Но если сердца наши горячи, думать мы будем не о том, что они нам сделают, а о том, чтобы защитить Добро и Правду.

М. Бременер